

Майна

Ахметова

ПАНФИЛОВЦЫ: НАША ГОРДОСТЬ, НАША СЛАВА

Великая Отечественная война 1941–1945 годов была самой тяжелой из всех войн, когда-либо пережитых человечеством. По уточненным данным, в этой войне участвовали 1 миллион 370 тысяч казахстанцев, или 21,1 процента довоенного населения республики. Более 640 тысяч из них погибли или пропали без вести. 18–19 августа 1941 года с двух алма-атинских вокзалов на фронт отправилась 316-я ополченческая стрелковая дивизия, 11 347 человек под командованием генерал-майора И. В. Панфилова. Овеянная славой дивизия, которой сооружен самый известный в республике Мемориал в память героев Великой Отечественной войны в парке им. 28-ми Героев-панфиловцев в Алматы. Дивизия, после битвы под Москвой одной из первых в числе восьми 17 ноября 1941 года удостоенная звания Гвардейской! Ставшая впоследствии 8-й Гвардейской Панфиловской, но уже без генерала Панфилова. Вспомним об этом в эти июльские дни рождения дивизии, вспомним обо всех, ковавших Великую Победу на фронте и в тылу.

Книга «Панфиловцы: наша гордость, наша слава», документальные страницы которой представлены читателям «Простора», писалась на материалах открытых архивов России, Казахстана, Кыргызстана, опубликованных и неопубликованных воспоминаний фронтовиков, семейных архивов потомков панфиловцев. Изданию 2020 года в Алматы предшествовали другие книги и монография, как их продолжение, написанные с моим учителем и соавтором профессором Владиславом Константиновичем Григорьевым. Они получили большую известность у ученых, исследователей, поисковиков и тех, кто интересуется историей: «Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху» (2010), «Яростный 1941. Размышления историков» (2011), «Панфиловцы: 60 дней подвига, ставших легендой» (2013).

В советское время собирать материалы было не так просто, основные архивы хранились под грифом «Секретно». Но были живые фронтовики, которые оставили книги, устные свои воспоминания, не позволяя дискредитировать завоевания Великой Победы. Сегодня тоже не так легко работать в военно-патриотической теме. Информационные войны, желание у определенных кругов людей забыть историю, а иногда ее и переименовать. Но я считаю, что наше, уже уходящее по-

коление детей фронтовиков, должно оставить свою историю Второй мировой и Великой Отечественной войн. Ту историю, которую лично слышали от очевидцев, ту историю, которую мы считаем гордостью и славой нашей Родины.

Книга написана в разных жанрах. Я выступала здесь в качестве ученого, исследователя, поисковика, писателя, журналиста. Но все данные и материалы основаны на реальных событиях и имеют ссылки на архивы, воспоминания, книги и так далее. Ничего здесь выдуманного нет.

Первая глава полностью посвящена архивам, восстанавливая день за днем события первого года войны. Статьи и этой, и других глав книги подтверждают ту же мысль, которая содержится в документах и воспоминаниях панфиловцев, участников обороны Москвы: это был массовый подвиг дивизии. Он подтверждается архивными документами, которые есть в данной книге, количеством бойцов, получивших звание Героев Советского Союза, званием Гвардейской, полученным дивизией уже 17 ноября 1941 года. Представленных к званию Героя было много больше, по разным причинам им давали награды разного другого уровня. И это тоже имеется в архивах.

В основном нами изучался пласт имеющихся в архивах материалов об обороне Москвы, и, в качестве продолжения, был отмечен ряд событий 1942 года: собрано то, что имелось на момент подготовки книги.

Последняя часть посвящена сохранению памяти о героях-панфиловцах и о Великой Победе советского народа в наше время.

Мы должны знать и помнить слова Бауыржана Момышулы, написавшего книгу о генерале Панфилове в 1944 году, в которой он подвел итоги:

«Заслуга 8-й Гвардейской дивизии заключается в приведении к крушению наступления крупных сил противника малыми силами, т.е. в точном выполнении задачи в своей полосе обороны: СКОВАТЬ, ОБЕСКРОВИТЬ и РАЗГРОМИТЬ».

«ОН БЫЛ ТВОРЦОМ ПОБЕДЫ!»

Бауыржан Момышулы о генерале Панфилове

Каждый панфиловец, участник обороны Москвы, выживший в годы войны, позже всегда одной из вех своих воспоминаний или рассказов ставил – гибель бати, своего генерала. Они не были свидетелями тех последних минут комдива, но каждый солдат вспоминал о том постигшем их горе, о том сопереживании всей дивизией, которая знала и чувствовала величайшую волю, заботу и ответственность И. В. Панфилова за каждый ее день на войне. И солдаты, и офицеры одинаково чувствовали и на своем опыте знали это, как и то, что он погиб в самое тяжелое время войны для всей страны, когда генералы погибали на передовой как солдаты.

Одним из первых написавших воспоминания о своем командире был гвардии полковник Бауыржан Момышулы. В Центральном государственном архиве Республики Казахстан я с волнением открыла рукопись и печатный экземпляр книги о генерале И. В. Панфилове, датированные Б. Момышулы 1 июля 1944 года.

Если солдаты и командиры вспоминали о Панфилове как заботливом человеке и строгом отце для своих сослуживцев, то Б. Момышулы первым, да еще и в годы войны, написал о стратегии и тактике генерал-майора, командира дивизии И. В. Панфилова. Момышулы объяснил суть его действий, рассказал

как очевидец, участник тех боев, военный, почему наша прославленная именно за эти бои дивизия смогла остановить противника, в несколько раз превосходящего по численности, вооруженного до зубов техникой, которой в то время не было у нас.

Именно Б. Момышулы принадлежит военное осмысление тех событий, описание и выведение формулы военной теории по вопросу, который раньше военная мысль никогда не ставила перед собой. В октябрьские-ноябрьские бои 1941 года 316-я стрелковая дивизия под руководством генерал-майора И. В. Панфилова нарушала все каноны военной мысли и теории, выработанные за многие века войн мировым сообществом. Об этом не говорится, не пишется, ее боевая тактика не изучается. Гораздо легче «вставить свои пять копеек» и с «глубокомысленным» видом сказать, размышляя на виду у такой же любящей «внешний антураж» аудитории: «Был или не был подвиг 28-ми героев-панфиловцев...», «Нет, их было больше – не взвод, а целая рота!» и быть довольным собой, покрасовавшись на просторах Интернета или на экранах телевидения.

Ставка и лично Сталин не случайно в числе первых дали 316-й стрелковой дивизии звание Гвардейская. Следует отметить, что 8 дивизий, самых лучших в грозном 1941 году, показавших пример героизма, получили звание в одном приказе. И наша стала 8-й Гвардейской! Но это не означает, что она таковой была по счету героизма, дивизия стала 8-й, потому что в армии в приказах ставят нумерацию по дате рождения дивизии, а нашей, в то время ставшей Гвардейской, было всего-то три месяца от рождения! Гвардейцами они стали, потому что в то тяжелейшее время для страны смогли выполнить задачу, поставленную Ставкой перед ними, и в первую очередь за октябрьские бои 1941 года, когда показали массовый героизм бойцов совсем молодой и не обстрелянной тогда дивизии. А в ноябрьские бои солдаты и комсостав смогли и дальше развить свой успех, имея боевой опыт октября. И снова массовый героизм в боях 16–18 ноября 1941 года в направлении главного удара противника. Награждение 28 Героев-панфиловцев – целенаправленное и верное по тем временам. Массовый героизм должен быть отмечен особо, поэтому впервые был награжден взвод, впервые было массовое награждение на самом опасном участке, где шли танки. А танкобоязнь в те времена была известна, сейчас это уже как будто бы забылось!

У Б. Момышулы много трудов по военной теме. Однако заметьте, в последующем он называет других своих командиров вскользь, да, командовали дивизией, да, были. Никогда и никого из них он не называет так, как генерал-майора И. В. Панфилова, не говорит теми словами благодарности и восхищения, любви и почтения не только как к старшему по возрасту и званию, а именно как к отцу-командиру и непревзойденному великому тактику и стратегу.

В изучении со всей скрупулезностью первого состава и первых боев дивизии книга Б. Момышулы о генерале И. В. Панфилове стала для меня действительно настольной книгой. Так написать и так сказать о своем командире мог только великий человек! Б. Момышулы описывает его военное творческое наследие, оставляя в памяти те великие бои, которые, как ни странно, оставались малоизученными, несмотря на то, что имеется масса книг и воспоминаний о том времени. А вот научных военных трудов нет. И впервые еще в годы войны Б. Момышулы пишет об этом как участник событий, как кадровый военный, осмысливая осенние бои яростного 1941 года, как новую тактику сражений в неблагоприятных условиях

(один красноармеец против шести фашистов, не имея техники, в суровых природных условиях и многое другое).

Сейчас мы будем анализировать не книгу Б. Момышулы о своем генерале, доступную каждому заинтересовавшемуся ею, а те рукописи и печатный экземпляр с правками Б. Момышулы из архива, потому что кое-что из них осталось за пределами книги.

Б. Момышулы сразу пишет, что это не биография генерала, а те воспоминания, которые связаны с ним, начиная от личного знакомства до последней встречи. И сам, как военный стратег и тактик, Бауыржан Момышулы подводит итоги обороны Москвы и дает ответ, почему дивизии удалось то, что не удавалось многим. А удавалось благодаря умелому руководству комдива И. В. Панфилова, воспитывавшему и обучавшему солдат и комсостав не погибать, а сражаться. Он учил особыми маневрами ежедневно изматывать силы врага, уничтожать его, а самим пытаться остаться в живых, чтобы завтра снова в бой и снова уничтожать врага, пока страна соберется с силами для того, чтобы погнать его с нашей территории.

«До сих пор не дан военный портрет генерала, – пишет Б. Момышулы, – о нем написано много толкового и бестолкового...»

Б. Момышулы еще в 1944 г. написал о том, что до сих пор нет военного портрета И. В. Панфилова как полководца, организатора и руководителя неравных боев под Москвой, смелого новатора военной мысли, тактики, методиста-воспитателя солдат. Не изучены составляющие его победы: превосходство оперативного искусства генерала над неприятельскими генералами; умение решительно навязывать свою волю противнику; бить по уязвимым звеньям боевого порядка противника, сковывать малыми силами маневренность крупной силы противника; смело и вместе с тем расчетливо, маневрируя своими полками, наносить удар на решающем участке в решающий момент. Все это говорит и об уме, воле, мастерстве и гибкой тактике офицеров – его боевых соратников-воспитанников (пятижды орденосца – гвардии полковника Серебрякова Ивана Ивановича, четырежды орденосца гвардии полковника Капровы Ильи Васильевича, трижды орденосца гвардии полковника Шехтмана и других офицеров), которые вели дивизию к победам, увенчанным славой. Генерал Панфилов был творцом победы!

Обратите внимание, о себе Б. Момышулы не пишет, хотя был не менее прославленным учеником своего генерала, который впервые описал тактику боев и на теоретическом уровне смог описать, показывая свою практику и опыт боевых товарищей, и гениальное решение своего генерала! Это говорит о его скромности, о той постоянной поддержке своих товарищей, о которой мы узнаем позже от его однополчан.

По воспоминаниям Б. Момышулы, его первое знакомство с генералом состоялось 13 июля 1941 года, генерал сам проживал в эти дни в Доме Армии.

Давалось всего два часа на сдачу дел, однако генерал, узнав, что офицер женат, дал время на сдачу дел в Казвоенкомате и ночь на прощание с семьей. В то суровое время, казалось бы, мелочь. Но генерал-то знал, что не все вернется домой, поэтому дает возможность своим командирам проститься с семьей. Эти качества – внимание и заботливость генерала по отношению к подчиненным – вспоминают каждый солдат и командир Панфиловской дивизии.

На следующий день старший лейтенант Б. Момышулы прибыл к генералу. Как таковой дивизии еще не было. Она только начала формироваться. Но прибывали первые командиры. И генерал с каждым разговаривал и давал задание. Разговор с Б. Момышулы был неожиданным для старшего лейтенанта. Генерал не приказывал, а сказал, что хотел бы с ним посоветоваться. Генерал! И хочет посоветоваться. Вы видели такое отношение генерала к подчиненному?

Вопрос состоял в следующем: как полудить котлы?

Б. Момышулы вспоминает, что пришлось ему отвечать на много странных вопросов, и он не мог отделаться от впечатления, что Панфилов интересуется тем, чем, казалось бы, не пристало интересоваться генералу.

Панфилов пояснил свои вопросы:

– Наша дивизия будет ополченческой: она формируется сверх плана. На маленькое рассчитывать нечего. И требовать не станем.

Генерал, протянув бумагу, дал поручение проверить по списку все помещения, которые выделены нам для формиловочных пунктов. Надо взглянуть, проверить, все ли они были подходящими: «Посмотрите дворы, будет ли где шагать. Имеются ли кухни, плиты, кипятильники! Не малы ли уборные. Если уборные неподходящие, откажемся».

Б. Момышулы снова удивился: прилично ли генералу заниматься уборными? Но тотчас же подумал: «А ведь я, вероятно, не сообразил бы этого!»

Мы никогда не обращаем внимание на то, что дивизия была ополченческой. А ведь в октябрьских – ноябрьских боях 1941 года немцы сразу ее назвали ландверной (ополченческой и третьеразрядной) дивизией и были уверены в том, что смять ее смогут быстро! А тут только Большчево азиаты держали двое суток!

Да, действительно, она была не кадрового, а ополченческого типа.

«Понятие термина “ополченческий” имеет глубокий корень, – пишет Б. Момышулы.

Состав дивизии был не кадровый, за исключением старшего командного состава, а состоял из разношерстной массы: бухгалтера, учителя, были неграмотные и кандидаты наук, а рядовой состав – от чернорабочего до народных комиссаров. Было 36 национальностей. Сколотить такое боевое соединение, как 316 стрелковая дивизия, – это большое дело.

Первая заслуга генерала Ивана Васильевича заключается в его организаторских способностях, – так считает Б. Момышулы.

Генерал внедрял в частях и подразделениях организованность, воинский порядок, железную дисциплину и боевую выучку. Воспитывал в личном составе соединения моральную и боевую стойкость, целеустремленность в учебе, в овладении передовыми боевыми знаниями, в работе и в военном быту. Дал полный разворот умственным и физическим способностям своим и подвластному ему начальствующему составу, организуя работу и учебу на конкретно реальных расчетах и планах нужных для боевых действий.

...Дивизия – жители просторных степей – попадает в незнакомые места, в леса и болота, ничего общего не имеющие с их бескрайней степью. Мы, степняки, попадаем в болота и лес, которого с седой старины наши дедушки не видели, и предки не ступали ногой никогда. За короткое время, в течение одного месяца, свое боевое соединение он, как педагог и командир, научил не только ходить в лесу и по болотам, но и воевать в них. Ни одному генералу не удавалось за такое

короткое время освоить важнейшие внешние природные факторы, оказывающие психологическое и другие воздействия на войска.

Это вторая заслуга генерала Панфилова как организатора.

– Мы, южане, – степной народ, – говорил генерал. – Нам нужно как можно быстрее научиться не только ходить, но и воевать в лесу, в болоте. Времени мало-ваго, торопиться надо, привыкать и осваивать.

На простом, понятном для рядового бойца языке, без пышных художественных фраз и не всем понятных ученых терминов проводил неоднократные беседы в ротах и батальонах. Бойцы его хорошо понимали – как будто он гвоздем прибивал каждое слово в солдатском понятии, и он, как истинный полководец, хорошо знал и понимал бойцов. Он говорил просто и правдиво, не кормил бойцов сладкими обещаниями. Еще трудности впереди...

Он был очень человечным, очень чутким генералом. Уважал солдата, ценил его человеческое достоинство. Он был глубоко русским человеком, беззаветно любил свой народ, знал прошлое, настоящее и будущее своего народа, знал все благородные его традиции, гордился им.

Являясь глубоко русским человеком, он был убежденным интернационалистом, благодаря этому ему удалось из людей разных национальностей сколотить боевое соединение. Он был настоящим партийным и советским командиром соединения Объединенных Наций.

Панфилов учил своих офицеров тактической гибкости. В октябрьских боях один панфиловец был против шести гитлеровских бандитов. И мы победили врага. Победили не числом, а умением, потому что тактический перевес был на стороне наших командиров.

В нем были качества оригинального военного мыслителя. Для того чтобы быть оригинальным, нужно быть смелым новатором тактики и военной мысли. В чем новаторство? Он имел оперативное преимущество над немецкими генералами и тактическую гибкость. Новаторство, которое он ввел и которому обязан своей победе – это так называемая спираль Панфилова. Если попытаться тематически изложить и написать книгу о генерале Панфилове, то она состояла бы приблизительно из следующих глав:

Генерал разума.

Генерал логики.

Генерал расчета.

Генерал хладнокровия.

Генерал стойкости.

Генерал упорства.

Генерал целеустремленности.

В первых числах октября 1941 года дивизия, войдя в состав 16-й армии, заняла оборону на весьма широком фронте по берегу реки Руза под городом Волоколамском, на одном из главных направлений.

Но это было не позиционной обороной, а маневренной обороной, основной задачей которой являлось перемалывание живой силы и техники противника на подступах к Москве.

Искусным маневром и огнем дивизия не только сдерживала натиск врага, но и наносила ему тяжелый урон в живой силе и технике, борясь одна против пяти до зубов вооруженных фашистских дивизий».

Б. Момышулы вспоминает о вызове в штаб:

– Я кратко доложил об успехе ночного налета на деревню Середа. Но Панфилов выспрашивал, добываясь подробностей. И опять, как в нескольких случаях прежде, получился не доклад, а разговор.

Основной тактический замысел и идея генерала Панфилова в той подвижной, маневренной обстановке оборонительного боя была: используя все выгоды местности, оказывая на каждом выгодном рубеже сопротивление, измотать и израсходовать силы и средства противника, задержать его продвижение как можно дольше на невыгодном положении, на невыгодных рубежах для него по условиям местности. Выиграть время, заставить противника расплывать его ударные силы в главном направлении, сковать его крупные силы прочной обороной важных узлов и пунктов, обескровить его путем уничтожения живой силы и техники, ослабить способности ударной группировки для дальнейшего наступления и развития успеха. Отвлекать его от главного направления наступления, сорвать его планы молниеносного наступления, прищемлять хвосты прорвавшимся колоннам, оставляя в тылу противника преднамеренно отдельные подразделения и отряды. Не допуская продвижения противника вперед по основному большаку, ведущему на Москву, перерезая его в нескольких местах, сделать невозможным для противника нормальное движение на занятых им участках дороги.

Генерал часто утверждал, что потери рубежа возвратны, но потери людей безвозвратны. Основная цель тактики, проводимой генералом Панфиловым – это истребление живой силы врага. Генерал сделал вывод, что немцы, побеждая, терпят поражение, в недрах их побед вложены корни их поражения.

Б. Момышулы:

– Мы отступали, причем раз пять оставались в окружении. Он учил нас, что отступление – не бегство, а тактика. Отступая умело, можно нанести поражение противнику так, чтобы немцам потом не с чем было наступать дальше. Отступая, можно одержать победу.

На первом рубеже боевой порядок дивизии был в линии полков. Второго эшелона в дивизии не было. Дивизия была вытянута в ниточку на протяжении более 40 километров. Не было резервов, не было вторых эшелонов, следовательно, мы не имели достаточной тактической глубины. Была только передовая линия, поэтому было невыгодным наше положение.

Б. Момышулы на примере боев 16–22 октября 1941 года 1075-го стрелкового полка полковника Капрора (Булычево, река Руза, Соколово, Игнатково, Осташево) показывает суть спирали И. В. Панфилова. Рассказывает о батальонном узле сопротивления в районе Осташево. Осташевский узел тогда являлся новой мыслью в тактике, давшей многое для последующих боев дивизии. В этих боях героически погиб со своей ротой лейтенант Гарипов, героически погиб Лысенко со своим батальоном. Безусловно, этот случай является первым образцом массового героизма в истории дивизии, оказавшим большое влияние на последующие бои.

Бои за Волоколамск были сильными по тому времени. Волоколамск немцы заняли, но дальше двигаться они были не в состоянии и вынуждены занимать оборону фронтом на восток, они не сумели дальше развить успех, измотанные и обескровленные, они выдохлись.

В этом заключается заслуга генерала И. В. Панфилова, которому удалось перемолоть живую силу противника, обескровить и заставить его принять оборону и простоять двадцать суток на месте. Это срыв плана противника, намеревавшегося преодолеть это расстояние за сутки.

Б. Момышулы пишет о боях 16–17 ноября как боях массового героизма дивизии и называет примеры, достойные памяти и легенд о наших предках. Рассказывает, почему их называли «дикой дивизией» и бойцами, не боящимися смерти.

Панфилов говорил:

– Перемалывать будем малыми силами. Это приведет к крушению наступления крупных сил противника. Тройной расчет означает:

1. СКОВАТЬ – малыми силами крупные силы противника, выиграть время.
2. ОБЕСКРОВИТЬ, т. е. как можно больше уничтожить живой силы противника, тем самым лишив его способности наступления в дальнейшем.
3. РАЗГРОМИТЬ с последующим переходом в наступление, т. е. завершить окончательный разгром врага.

Как пишет Б. Момышулы:

– Заслуга 8-й Гвардейской дивизии заключается: в приведении к крушению наступления крупных сил противника малыми силами, т.е. в точном выполнении задачи в своей полосе обороны: – СКОВАТЬ, ОБЕСКРОВИТЬ и РАЗГРОМИТЬ.

«ТЕБЕ, ДОРОГАЯ, ОБЪЯСНЯТЬ НЕ ТРЕБУЕТСЯ...»

Панфилов Иван Васильевич – комдив

Сразу же после гибели генерал-майора И. В. Панфилова Центральный государственный архив Киргизской ССР стал собирать все имеющиеся на тот момент материалы о нем. Вдова генерала передала его письма и телеграммы. Часть из них уже печаталась в советское время, но есть такие, которые не были опубликованы по разным причинам, в том числе и идеологическим. Иногда надо читать сквозь строки, зачастую просто имелась такая информация, о которой нельзя писать. И не писали, хотя все знали не то, что написано, а то, что имеется на самом деле.

Публикуя все имеющиеся письма и телеграммы, мы начинаем понимать ряд вещей, которые очевидны, и то, что стало известно благодаря небольшим по размеру письмам и телеграммам.

Мы теперь знаем движение последнего эшелона, в котором ехал генерал. Понятное дело, что так же ехали и предыдущие эшелоны с бойцами и командирами до того момента, когда, подъезжая к фронту, их стали бомбить вражеские самолеты, и тогда только каждый эшелон стал выгружаться в разных местах, не доезжая до пункта назначения. Несколько эшелонов попали под бомбежки, и появились первые жертвы – убитые и раненые в 316-й стрелковой дивизии.

Итак, 18–20 августа 1941 г. – эшелоны ушли со станции Алма-Ата-1.

Алма-Ата – остановка Кызыл-Орда, где прошел митинг – Рязань – Москва, товарная – Кулотино, Ленинградская область (у большинства эшелонов – конечная остановка – Крестцы, Боровичи) – район Новгорода.

7–10 октября – снова железнодорожный путь.

Район Новгорода – Калинин – Москва – Волоколамск.

Письма Панфилова к жене пишутся во время поездок и с линии фронта, с мест боев.

Темы писем и телеграмм: любовь к жене и детям, забота об их быте, постоянно пишет о том, что Гитлеру – конец, заверения товарищу Сталину о том, что его любят. Однажды написал про баню, в другой раз высылал вырезку из газеты. Пишет о дочери, что ей и ему хорошо, фашистов бьем и будем бить до полного уничтожения. В конце октября в письме прорывается: «Как, Мурочка, хочется жить. Эх...», и тут же заверения товарищу Сталину, и «Смерть фашизму!»

Да, было такое время, что не напишешь то, что думаешь, но в любой войне существует цензура, и, конечно же, она была очень сильной в годы Великой Отечественной войны, как для рядового бойца, так и для генерала. И когда в письмах к жене он пишет, что «тебе объяснять не приходится», – всё становится понятным. Жена генерала действительно всё понимала, она также прошла большой путь, чтобы знать, что не всё можно писать, и для нее самое главное – весточка, что ее дочь и муж живы.

Письма и телеграммы И. В. Панфилова к жене

21.08.41. Телеграмма из Кзыл-Орды

Здоровы. Целую. Желая тебе здоровья. Твой Ваня.

25.08.41. Письмо из Рязани

Здравствуй, дорогая Мура!

Подъезжаю к Рязани, а дальше на Москву. Идет осенний дождь, погода неважная. Настроение у каждого бойца боевое. Примерно дней через 5, вероятно, в бой. Участвовать будем в направлении Смоленска. На нас встала почетная задача не допустить врага к сердцу нашей Родины Москве. Враг будет разгромлен, а Гитлер и его банды будут уничтожены. Не будет гадам пощады за слезы матерей, жен, детей. Смерть Гитлера – это у каждого бойца на устах.

Мура, остановка. Спешу опустить письмо. Валя едет впереди с эшеленом. Настроение у нее бодрое, боевое.

Как вы там живете? Как Маечка, берегите ее.

Целую крепко-крепко. Любящий вас – ваш папка.

Пиши через бюро писем на фронт. Целую, бывай, Ваня.

21.09.41. Кулотино, Ленинградская область. Телеграмма

Здоровы. Письмом подробности. Крепко целую. Панфиловы.

Письмо с фронта, конец сентября 41. Район Новгорода

Здравствуй, дорогая Мура и детки Женя, Вива, Галочка и Макушечка!

Прежде всего прошу извинить, что так долго молчал. Но это тебе, дорогая Мура, я думаю, объяснять не требуется. Сегодня свободное время использовал для мытья в бане. Ну вот, написал тебе письмо. Район действий – Новгород. Нахожусь под командованием товарища Ворошилова.

Фашистам приближается конец. Как ты из газет знаешь, тысячи фашистских трупов закапываем, а советская земля каждый метр продвижения им стоит очень дорого.

Мурчик, был я сегодня у Валуши. Она от меня находится в 12 километрах. Чувствует она себя прекрасно, отзывы о ней самые лучшие. Постоянно, даже когда она не дежурит, находится у больных и раненых. Ею очень довольны. В общем, Мурочка, дела идут хорошо, фашистов бьем и будем бить до полного уничтожения.

Целую крепко, ваш папка.

Пиши письма, Действующая армия, номер почтовой станции 993, п/я 1.

4.10.41. Телеграмма из Калининна

Здоровы, едем дальше. Целуем крепко. Ваши папа и Валя.

6.10.41. Телеграмма из Москвы

Привет тебе, дорогая Мура! Здоровы. Пиши по адресу. Целую тебя, детей. Твой Ваня.

Вторая половина октября 41 г. Письмо с фронта

Здравствуй, дорогая Мура!

Как вы живете, как моя Маечка. Очень соскучился. Пока здоровы. Валушка себя чувствует прекрасно, поправилась... Ее не узнать, ведет себя прекрасно, как положено патриоту. Скоро вступит кандидатом ВКП(б) как достойный боец. Немцев бьем, скоро фашистской гадине будет конец. Пощады ему не будет за слезы отцов, матерей, жен и детей. Настал жестокий час расплаты, хотя он имеет кой где успех, но это, Мурочка, последние его силы и издыхание, если бы ты видела это самое существо на пленных или трупах убитых, даже офицеры полураздеты, а ведь наступает зима, суровая, русская зима! А это проклятому врагу смерть. Бойцы бьются как львы, ни одной капли пощады.

Мурочка, сегодня получил из Москвы шесть машин подарков. Если бы ты знала, но это я знаю, дорогая Мурочка, чувствуешь, какая радость, что о нас здесь на фронте не забывают, чувствуешь заботу всего народа нашей необъятной Родины. Вместе с тем разгорается все большая и большая ненависть к врагу. Скорее бы гаду конец, и зажил бы наш могучий народ.

Мурочка, началась артиллерийская стрельба, сейчас выйду выяснять положение.

Пока, до скорого свидания.

Целую крепко-крепко тебя, моя дорогая, детей Женю, Виву, Галочку и Макушечку.

Пиши, пока здесь от тебя писем не получал.

Пиши, как у тебя с деньгами, с топливом, в общем, пиши, все – бегу на командирский пункт.

Целую моя Мура!

Адрес: Действующая армия, номер почтовой станции 993, п/я 1.

Как, Мурочка, хочется жить. Эх...

Смерть фашизму!

Пусть живет долгие годы наш любимый товарищ Сталин!

30.10.41. Телеграмма из Москвы

Здоровы. Фашистов бьем. Целую, папа.

1.11.41. Письмо

Целую тебя, мой друг и любимая жена. Привет Алексею Владимировичу, Ивану Павловичу и другим. Пишу тебе во время сильного боя письмо с фронта.

1.11.41. Письмо

Здравствуй, дорогая Мура! Целую тебя и детей. Москву врагу не сдадим. Уничтожаем гада тысячами и сотнями его танков. Дивизия бьется хорошо. Посылаю статью из газет. Мура, работай, не покладая рук на укрепление тыла. Твой наказ и свое слово я доблестно помню. Твой друг, тебя любящий Ваня.

Целую детей, береги Маечку. Папка. Адрес: Действующая армия, номер почтовой станции 993, п/я 1.

Валя здорова.

«ГОТОВ НЕСТИ ЛЮБУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ»

Бауыржан Момышулы – комбат 1-го батальона
1073-го стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии

Когда мы говорим о XIX веке в Казахстане, то невольно сразу в памяти является великий Абай. Когда мы вспоминаем XX век, то для меня первым казахом является Бауыржан Момышулы...

Наш батыр, человек суровой судьбы, яркая и незабываемая личность, жизнь которого является примером для нас, и мы, естественно, стремимся быть такими, как он: честными, справедливыми, жесткими при надобности, патриотами и интернационалистами.

Он был легендой при жизни. Это была тяжелая ноша, которой многие завидовали, не зная того, что стоит за этим. Им гордились казахи и казахстанцы. Все старались к нему подойти, поздороваться, побыть рядом с ним. Это не всегда удавалось, но можно было за ним наблюдать издали. В то же время он был добр и заботлив по отношению к детям и людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, потому что он сам пережил многое в своей жизни.

Пожалуй, весь Казахстан знал его суровый нрав, и все также знали его искренность и справедливость. Об этом много говорили и рассказывали. Таким он был бесстрашным и любимым наш герой, наш Бауыржан!

Когда я задала поиск в Интернет по фамилии Момышулы, мне выдали более 305 000 ссылок на казахском и русском языках, были еще ссылки на английском, немецком, испанском языках и иврите. Его книги и книги о нем. Их множество. Особо отмечу его издания на Кубе, в Израиле, Германии, США, Китае, Финляндии. В этих странах и в ряде других его труды изучают в военных училищах и академиях.

Особо отметим книгу Александра Бека «Волоколамское шоссе», написанную по горячим следам и изданную впервые в 1943 году, затем многократно переиздававшуюся, и не только в Советском Союзе. Затем я рекомендую прочесть книгу Ибраева Ж. «Бауыржан Момышулы. История одной книги», где писатель Жунус Ибраев записал воспоминания Б. Момышулы о том, как писалась книга А. Бека.

Не многие знают, что книга писалась на фронте и состояла из бесед Б. Момышулы и А. Бека в 1942 году в перерывах между боями. Первая рукопись была

утеряна, и потом долго не мог А. Бек подойти к Б. Момышулы, зная его жесткий характер, и сказать о потере и новой работе. Всё же подошел, сказал, и снова началась работа. Иногда я думаю, что первый вариант был лучше нынешнего, потому что первые рассказы всегда лучше, острее и гораздо более впечатляющи. Но такова история, что было, то было.

Следует отметить, что книга была одной из первых опубликованных о Великой Отечественной войне, и сразу стала популярной во всем Советском Союзе и дальше за рубежом.

И еще о книге. Я думаю, что сбор материалов по книге – это было задание Ставки, и, возможно, И. В. Сталина. Безусловно, тогда речь не стояла именно о Б. Момышулы, но также, как в случае со взводом и 28 героями-панфиловцами, было дано задание показать роль советского офицера, не штабиста, не командира дивизии или полка, а среднего звена дивизии – батальона, например, какие испытания выпали на их долю и как они справились с этим.

Советской пропаганде надо было показать битву за Москву и победу в ней тех, кто прославились своими боевыми подвигами, не побоялись танков, были интернационалистами и многое другое. Однозначно, это должны быть панфиловцы.

И когда в материалах А. Бека читаешь, что он взял отпуск и стал писать книгу, несколько удивляешься этому, так как шла война и отпуска были отменены. Было дано задание, которое А. Бек отлично выполнил как журналист и писатель. И главное, был выбран достойный герой, конечно же, после утверждения командира дивизии, и, возможно, и командующего армией.

Профессором В. К. Григорьевым и мною были также написаны ряд книг о Панфиловской дивизии, в которых мы писали о Б. Момышулы и его батальоне.

И еще мои размышления по поводу предоставления звания Героя Советского Союза Б. Момышулы. Действительно, в документах дивизии есть представление и другие материалы по этому вопросу. Мне видится следующее. Выбор героя для подготовки книги – это и есть его высокое звание. Б. Момышулы после издания книги получил всесоюзную и международную популярность еще в годы Великой Отечественной войны. Это и было его звездным часом, народным званием Героя Советского Союза, поэтому там, наверху, и посчитали так, и было отложено ходатайство о награждении. Другие получили ордена и медали, звания Героев, а он стал народным героем книги. Ведь других примеров было множество, когда не давали звания Героя по разным причинам.

В биографии Б. Момышулы есть такие строки:

В Рабоче-Крестьянской Красной Армии с ноября 1932 по 1934 годы и с 1936 года, начинал рядовым красноармейцем.

В 1933 году окончил полковую школу, артиллерийское военное училище, стал артиллерийским офицером.

Служил на Дальнем Востоке под командованием Маршала Советского Союза В. К. Блюхера, в июле – августе 1938 года участвовал в боях с японской Квантунской армией у озера Хасан командиром артиллерийской батареи.

В 1939–1940 годах служил на Украине, участвовал в походах на Карпаты и присоединении Бессарабии.

В 1940-м вернулся в Казахстан, работал старшим инструктором Казвоенкомата.

Он стал офицером до войны. Несколько лет военного пути, о котором мы всё еще мало знаем. Время было такое, и тогда особо и нельзя было говорить

об этом отрезке военного пути Бауыржана, а потом всё как-то закрылось основной темой – темой Великой Отечественной войны, темой битвы под Москвой, яростным 1941 годом.

И необходимо отметить, что он был одним из немногих, и можно даже сказать, одним из первых советских офицеров-казахов, потому что более 200 лет по царскому указу о присоединении Казахстана к России наши джигиты не принимали участия в военных действиях России.

И сегодня, конечно, хотелось бы послушать размышления Бауыржана о войне, о том, как ее мифологизируют, сомневаются в подвигах, поправляют, говоря, что это была не Великая Отечественная, а Вторая мировая война. А ведь эти люди в большинстве своем не знают военных трудов Б. Момышулы, не слышат оставшийся в записи его голос, не видят кинокадры с ним, где сохранились его очень резкие и четкие суждения...

Конечно, многое уходит в прошлое, забывается и настойчивость Бауыржана, его жесткость по отношению к тем, кто не понимает суровых реалий того времени, кто не помнит, что в Панфиловской дивизии были люди многих национальностей и только благодаря интернационализму победил советский народ в той войне.

И слово «советский» пытаются забыть. Мы это уже проходили. В XIX веке пытались всю историю свести к антагонистической борьбе между бедными и богатыми. Словно и не было истории нашей самой разной и очень богатой на события и реалии жизни. Сейчас мы наступаем на те же грабли, хотим забыть, переиначить историю уже XX века, советскую историю Казахстана. А этого допускать нельзя.

Мы должны знать и помнить свою историю, такую, какая она есть, со своими положительными и отрицательными направлениями, необходимо изучать историю Казахстана в советский период, чтобы не повторить ошибок прошлого, и, самое главное, взять то фундаментальное, ценное, что нам дал советский строй.

XX век дал цивилизационный рывок вперед в Казахстане. Раньше мы говорили об этом так: сразу от феодального строя перешли к социалистическому, минуя капитализм. Резон в этих словах был, однако сейчас всё подвергается сомнению. Мы делаем ошибки в изучении истории, так как сегодня ее изучаем, глядя на нее глазами нынешнего поколения и современных знаний. А историю надо изучать, погружаясь в ее время, то, которое мы изучаем, думать мыслями тех людей, жить по их правилам, быть их современниками... Поэтому, изучая биографию Бауыржана Момышулы, мы должны знать его время и место действий. А Бауыржан нас поведет по тем временам так, как он видел.

И даже сегодня это может и к лучшему, что продолжить военную карьеру ему не удалось (и об этой странице его жизни сейчас говорят только вскользь), что ему пришлось уволиться в запас и начать в середине 50-х годов XX века снова новую жизнь, и он становится писателем, который мог многое рассказать и описать, многое, но не всё. После смерти его фронтowego товарища Дмитрия Поцелуева-Снегина казахстанцы узнали, что у Д. Снегина хранились блокноты Б. Момышулы, переданные ему перед смертью Бауыржаном. Это те записи, которые были не для печати. Это тоже память и новые истории, которые опубликованы нынешними хранителями блокнотов.

Сегодня мы читаем воспоминания тех, кто оставил мемуары – от маршалов до рядовых, от простых людей до звезд советского Казахстана. Открыты архивы. Читаем произведения Бауке. И думаем, сравниваем, анализируем...

Сегодня я хотела бы рассказать о двух фактах: октябрьских боях 1-го батальона 1073-го сп 316-й сд под руководством Б. Момышулы и о послевоенных воспоминаниях А. Туровой, медсестры, о Б. Момышулы как командире полка в 1942 году.

В ноябре – декабре 2017 года мне довелось работать в Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦА МО РФ). Я смотрела дела Панфиловской дивизии. В последние несколько лет пришлось услышать, увидеть, прочитать тысячи разных историй о нашей прославленной дивизии. В большинстве своем они были, мягко говоря, мифологизированы, в том числе и фигура Бауыржан Момышулы. Конечно, о Б. Момышулы мифы были в сторону преувеличения его подвигов. Так и должно быть, национальные герои во всем мире приобретают и такую качественную черту, как самый лучший, единственный, могучий и прочее. Здесь сомнений в отличие от подвига 28 панфиловцев нет. Однако мы изучаем научную историю яростного 1941 года, боев 316-й стрелковой дивизии и деятельность первого комбата (такие у него были позывные) – Б. Момышулы, комбата 1-го батальона 1073-го стрелкового полка (сп), и будем говорить языком фактов, которые были действительно героические и суровые.

И еще необходимо отметить следующее. Документов о Великой Отечественной войне множество, но материалов о 1941 годе, о начале войны чрезвычайно мало. Понятное дело, пора отступлений, ожесточенных боев, мужества и трагедий... Часть документов были уничтожены в ходе боевых действий, часть сжигали сами, а иногда и успевали задокументировать те или иные события. Не случайно в 2017 году вышел двухтомник под названием «Пишу исключительно по памяти... Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны», подготовленный и изданный в Москве Университетом Дмитрия Пожарского, составитель С. Л. Чекунов.

Сегодня практически все дела по Панфиловской дивизии рассекречены. Поэтому я изучала описи фондов 316-й стрелковой дивизии и двух ее полков – 1073-го и 1075-го. Затем заказывала дела. Естественно, в описях фондов были названы имеющиеся дела всей истории дивизии или полков, которая была задокументирована и сохранилась в архивах. Я просмотрела названия всех дел, а заказывала и работала только по 1941 году, и, конечно же, не все дела. Изучив эти документы, могу с ответственностью сказать, что журналы боевых действий 1073-го и 1075-го сп, кроме журнала 1 батальона 1073-го сп за 18.10.-30.10.1941 г. (батальона под командованием ст. лейтенанта Б. Момышулы) не сохранились. Их просто нет в действительности.

И только эти 25 страниц текста с картами и рисунками, с суровым рассказом о боях второй половины октября 1941 года. Это были практически первые бои панфиловцев на московском направлении.

В дальнейшем, по воспоминаниям маршала СССР Г. К. Жукова, официально констатировалось, что те дни были самым тяжелым испытанием Великой Отечественной войны.

Выводы комбата Б. Момышулы на 3 листах из 25 имеющихся очень жесткие. Даже читать их страшно в отрыве от предыдущих страниц, но именно условия, сами бои и их взаимосвязь позволяют подытожить, что всё правильно написано, вплоть до предложения расстрела и предания суду некоторых своих коллег-офицеров. Пусть Вас не смущает первоначальный высокий слог выводов, в то время так жили, и так должны были писать. Оставляю стилистику того времени.

«Выводы:

1. Подавляющее большинство бойцов и командиров батальона в этих боях на деле показали преданность социалистической родине, партии Ленина-Сталина и советскому правительству, оказывая неоднократное упорное сопротивление превосходящему силу противника, нанося ему чувствительные удары, при этом проявляя мужество, отвагу и героизм. Командиры увлекали бойцов своим личным примером.
2. Батальон ни разу не дал противнику возможности прорвать рубеж обороны, умело маневрировал, срывал замысел атакующих по накоплению сил для прорыва обороны. (По предварительным подсчетам батальоном уничтожено в боях с 18.10.41. по 30.10.41. до 400 фашистских гадов, 6 автомашин, 1 танк, 1 минометная батарея, 1 пушка, 3 наблюдательных пункта, захвачено 2 пленных, 4 автомата, 2 РП, 10 винтовок, 4 револьвера, около 3 000 патронов, 1 мотоцикл, разные боевые документы и карты, телефонный аппарат, новое седло и др.). Имею потери убитыми 53 чел., ранеными – 90 чел. 1 орудие, 4 станковых пулемета.
3. Батальон четырежды выходил из окружения с боем, организованно прикрывая свой отход своими силами.
4. Батальон мужественно перенес все трудности боев, 9-дневную голодовку, доводящий людей до изнеможения.
5. Батальон сохранился как боевое подразделение с вооружением и полностью с обозом.
6. В пережитых боях трудности не сломили боевой дух батальона, а наоборот укрепили его и дали хорошую боевую закалку, он приобрел опыт и навыки ведения оборонительного и наступательного боев».

Далее называются фамилии офицеров, которые оказались, по мнению Б. Момышулы, паникерами и трусами. Затем читаем:

«Как общий недостаток, оказавший серьезное влияние на исход боя, следует отметить:

1. С 26.10.41 г. по сей день в боевом использовании батальона происходит полная обезличка.

Командование 1073 сп считало его переданным к-ру 1077 сп, а последний относился к батальону «чужого полка» как на второстепенное подразделение, часто совсем забывая во время боя и не проявляя до 2.11.41 г. никакой заботы и дважды бросая на произвол судьбы в самом критическом положении в самой сложной обстановке боя. У к-ра 1077 сп б-н находился на правах пасынка, и то у плохого отчима.

2. Артиллерия как правило не поддерживала пехоту, и если поддерживали, то формально открывали огонь в направлении противника, подготовив данные по карте, а не конкретно по целям. К-ры батареи и дивизионов не имели передовых наблюдательных пунктов, не наблюдали за разрывами, и просто выпускали определенное количество снарядов по площадям без корректуры, не интересуясь результатами своего огня, заранее пристрелянных реперов не было.

Я, как командир батальона и артиллерист по специальности, не однажды был свидетелем беспорядочного огня наших поддерживающих батарей и немало пережил неприятных последствий этого несчастья наших артиллеристов. Я неоднократно

указывал при первой возможности на эти недостатки артиллерийским командирам и отказывался от такой «поддержки» (1 и 5 бат. 857 ап).

3. Я, как бывший штабной работник и ныне к-р батальона, после этих боев как никогда понял значение замечания гениального Ф. Энгельса, что «низкая квалификация офицеров ни на чем не отражается так вредно, как на штабной службе», а в минуты досады (когда штаб бросает тебя на произвол судьбы) жизнь мне диктует, что комплектовать штаб из низкоквалифицированных, невежественных в штабной службе к-ров хуже, чем полное его отсутствие.

Если этот пункт находите дерзостью с моей стороны в отношении штаба, я готов нести любую ответственность за свои слова.

4. Я себя упрекаю, и полностью лежит на моей совести дезорганизация 3 стрелковой роты, т. к. я ослабил бдительность как руководитель, заранее не предвидел возможные предательские действия к-ра 3 ср мл. лейтенанта ... и его комвзводов ... Несвоевременно мобилизовал свой штаб на ликвидацию этого прорыва. Хотя напряг все силы к восстановлению порядка и сумел собрать и сплотить 50% личного состава 3 стрелковой роты как боевое подразделение, которые отважно дрались в последних трех напряженных боях.

В дальнейшем следует обратить особое внимание на контроль работы подчиненных мне командиров, работу штаба батальона, управление боем во всех звеньях, взаимодействие внутри подразделений, обеспечение флангов, сбережения оружия и во чтобы то не стало иметь резерв – крепкий кулак при штабе батальона.

Необходимо мл. лейтенанта ... расстрелять перед строем батальона.

Бойцов и командиров, отличившихся в бою согласно прилагаемого списка прошу представить к правительственной награде.

В отношении мл. политрука прошу назначить расследование о его действиях во время боев в Новомлянское и Горки.

*Командир 1-го стр. батальона Б. Момышулы
6.11.41. Ефремово»*

Таковы были документы октябрьских боев 1-го батальона 1073-го сп 316-й сд под командованием ст. лейтенанта Б. Момышулы.

Каким он был командиром полка в 1942 году, оставила воспоминания медсестра, сержант Ольга Александрова-Турова:

«Услышав по радио, что Бауыржану Момышулы присвоено звание Героя Советского Союза (хоть с опозданием), я была очень рада! Это был мой первый командир полка, в котором пришлось служить до Победы!

Первая встреча с Момышулы состоялась под Холмом, в деревне Василево, где стоял полк и санитарная рота. Тогда стоял 1942 год, мы – деревенские девочки – стирали бойцовское белье. Деревни наши были уже сожжены. Оборона полка располагалась в шести километрах от Холма – деревня Снегирево. Нас пригласили в санитарную роту, которая располагалась в лесу. И стали мы жить по уставу: в 6 часов утра – подъем, в 11 часов вечера – отбой. Вскоре мы приняли присягу. Вот тут и произошла первая встреча с командиром полка Бауыржаном Момышулы. Он приехал к нам в роту с адъютантом Николаем Синичко. Наш дежурный скомандовал: «Смирно!». Пока дежурный отдавал рапорт, все стоя-

ли по стойке смирно, кого где застала команда, пока не приказали «Вольно!». Старшина Пятков построил нас – девчонок – и представил. Сказал, что это наше «пополнение».

Мы стояли, словно вросли в землю. Командир полка подошел, поздоровался, скомандовал «Вольно!». Он был стройным, подтянутым, с боку висела сабля, на сапогах блестели шпоры. Момышулы прохаживался взад и вперед, говоря четко, понятно, а нас пробирала дрожь. Он говорил: «Вы – теперь бойцы Красной Армии. Скоро будет сильный, трудный бой, будет стоять шквальный огонь. На вас возлагается задача выносить с поля боя раненных бойцов и командиров». Мы стояли, ни живы ни мертвы, словно приклеились друг к другу плечами. Хотя мы уже и видели бои, раненых, пожары – было страшно. После этого разговора мы пришли в свой сделанный из еловых веток шалаш и задали «ревока». Хотели даже убежать, но начальник ППС полка Смирнов Я. М. сказал, что везде стоят заградотряды.

И еще одна встреча была незабываемая для нас – девчонок. Это произошло где-то в сентябре месяце. Бауыржан Момышулы отдал приказ старшине роты Пяткову подстричь всех девчонок «под мальчика», потому что каждый день были занятия с противогАЗами. Но старшина выполнил приказ неправильно. Он пригласил полкового парикмахера, и нас всех подстригли «под машинку». Я помню, это было в лесу, посадят на пень срезанной ели, пять минут, и голова голая – «под Котовского». Но ведь это же были девчонки! И, конечно, без слез не обошлось! Тоня Белекова забежала в блиндаж, упала на нары и начала рыдать, мы никак не могли ее успокоить. У нее волос был волнистый, когда она одевала пилотку, было любо-дорого смотреть! Б. Момышулы узнал, что старшина Пятков не просто нас подстриг коротко, а обрил наголо и тем самым нарушил приказ. Командир полка сам приехал в роту, чтобы успокоить нас, обрил себе голову под бритву, а нам раздал по шоколадке. Старшине сказал: «Будешь 5 суток на гауптвахте». И после, когда бывал в роте, обязательно спрашивал: «Ну, как, Ольга, волос растет?» Снимал фуражку и говорил: «А у меня быстрее растет». Это он так подбадривал нас.

...В 4 часа утра пошли в наступление батальоны. Нам сказали быть готовыми к приему раненых. Трое суток пытались перерезать шоссейную дорогу, но не удалось – немцы были сильно укреплены. Раненых было очень много, пришлось работать день и ночь. Немцы изрешетили весь лес минами и пулями. Перерезать шоссе так и не удалось, и полк отвели назад. Вспоминаю как нас (девчонок) выстроил майор Зубков – парторг полка – поблагодарил за службу и нам вручили гвардейские значки. Мы стали гвардейцами. А еще сказали, что двоих девчонок представили к награде. Им вручили медали «За боевые заслуги» в честь 8-го марта. Командир полка Момышулы привел фотографа из дивизии и с нами сфотографировался, но мы эти фотографии так и не увидели.

В октябре 1943 года дивизия пошла на Великие Луки, нам сказали, что командир полка уезжает в Алма-Ату. Уже на фронте нам показали киноленту с приездом Момышулы в Алма-Ату, его встречу с семьей и друзьями. Мы радовались за командира полка.

...Победа! Какая она была радостная! Но у меня большой радости-то и не было. Ехать было некуда – дом сожжен. Демобилизовалась и по приглашению Турова поехала в Алма-Ату. В ноябре 1945 года меня взяли лаборанткой в Академию

наук – тогда это был еще филиал (на Кирова/Красина). Все секторы находились в одном здании.

Как-то уже в феврале 1946 года я с 3-го этажа спустилась на 2-й с ведром, чтобы набрать воды в секторе микробиологии. На втором этаже располагался и отдел кадров. Там-то и произошла еще одна встреча. Только я спустилась, как вижу: стоит в военной форме, в шинели-папахе Бауыржан Момышулы. Он тоже взглянул на меня, но я быстро вернулась и пришла в лабораторию, говорю Наталье Федоровне, своей заведующей: «Я воду не набрала, потому что там, в коридоре, стоит наш полковник Бауыржан Момышулы». Она мне посоветовала пойти и спросить у управляющего делами, это Б. Момышулы или нет. Я спустилась снова на второй этаж. Но там уже никого не было. Зашла к управделами. Это была милая пожилая женщина. Она мне хорошо запомнилась. Я у нее спросила: «Вот сейчас в коридоре мужчина стоял, это, случайно, не Бауыржан Момышулы?» Она мне отвечает: «Да, это был он. А откуда Вы его знаете?». Я сказала, что он – наш командир полка. «А он и сейчас здесь, – сказала она. – В 6 комнате. Он там работает, там его музей».

Я собралась с духом, так как знала его таким строгим, постучала в дверь. Он сказал: «Да, войдите!» Я вошла. Он меня поднял и давай кружить – узнал. Потом начал расспрашивать, как я сюда попала, сообщил, что он здесь работает. В комнате все книги были расставлены по полкам, их было очень много. Вот здесь он как раз нашел фотографию и подписал ее: «8-е марта 1942 г., район Чекуново». Спросил, где я работаю, не обижают ли, а потом пригласил меня к себе домой, познакомиться с его семьей. Меня отпустили с работы. Мы шли пешком, я помню: я – маленькая, на мне пальтишко, перешитое из английской шинели, валенки, купленные на барахолке, и грубо связанный шарфик. Представляю, как я выглядела рядом с ним! Нам встречались ученые, останавливались, разговаривали с ним по-казахски, он отвечал: «Фронтовой солдат из-под Холма».

Жил он тогда на Фурманова. Внизу был магазин, на втором этаже располагалась квартира семьи. Мы зашли. Момышулы представил меня жене, матери, и сынишка у них был небольшой: «Это – полковой боец, медицинская сестра, которая спасла жизнь очень многих наших бойцов».

Его жена приготовила обед. Я такого никогда раньше не ела и даже не видела: что-то было мясное, красная и черная икра, и еще он налил по маленькой рюмочке красного вина, и сказал: «Теперь можно выпить и за встречу, и за Победу!»

Когда я собралась уходить, он дал мне две телеграммы, чтобы я отправила их в Москву и принесла ему квитанции. И он сказал, что всегда рад меня видеть, чтобы я заходила, если даже его не будет дома, то его жена меня всегда встретит и будет рада.

Но больше я с командиром полка до 1981 года не встречалась. В 1981 году проходила встреча в Казахском драматическом театре имени Ауэзова по поводу празднования 40-летия формирования Панфиловской дивизии, и там я его снова увидела...».

Всесоюзная слава, звание героя-панфиловца, любовь и уважение однополчан, писательский труд, гордость казахстанцев – все это было у Б. Момышулы.

Звание Героя Советского Союза пришло посмертно, и это было последним и заслуженным решением большой страны Советов.

«ПИСАТЬ О КАЗАХ-ГЕРОЯХ Д-ГОЛЯ ТЫЛА!»

Габдуллин Малик – политрук 5 роты 1075 стрелкового полка

Аспирантом Казахского педагогического института (КазПИ) имени Абая с уже готовой, но еще не защищенной кандидатской диссертацией ушел на фронт Малик Габдуллин в 316-й стрелковую дивизию. Всю войну был в знаменитой Панфиловской дивизии, которая гордилась им и которую прославил он.

Документы о нем сохранились в архивах, библиотеках, музеях. В феврале 2019 г. в Национальной библиотеке в Алматы прошла презентация 11-томника его книг, посвященных исследованию казахского фольклора, традициям, обычаям и истории казахского народа, а также включающих военные очерки и воспоминания. Память о нем в Казахстане священна.

Моя статья посвящена его боевым подвигам в Панфиловской дивизии: как это было. И что особенно важно сегодня.

В XXI веке в суждениях о прошедшей войне резко сместился ракурс. О 316-й сд – 8-й гвардейской стрелковой дивизии продолжают писать и говорить убежденно и ожесточенно, – по-разному интерпретируя бои и подвиги, вкладывая разный политический смысл в события того периода, – самого опасного в ходе великой войны – 1941 года. Одна из причин – постепенно ушли практически все участники событий, и можно легко сказать недоброе в адрес тех, кто ценою собственной жизни спасал Родину. И наша задача – детей фронтовиков – в новом веке дать отпор тем, кто, манипулируя, ради собственного прославления, идеологической и политической выгоды бросает тень на наших отцов.

Одним из 11 347 бойцов и офицеров 316-й стрелковой дивизии, уехавших с железнодорожной станции Алма-Ата-1 в августе 1941 года, был политрук Малик Габдуллин.

Первый список, в котором значится начавший военную службу политрук Малик Габдуллин, это 15-я батарея 45 мм пушек 1075-го стрелкового полка.

В следующем списке 5-й роты 2-го батальона 1075-го стрелкового полка под номером два имеется запись:

«Габдуллин Малик – политрук, призыв Алма-Атинская область, место проживания: КазССР, Акмолинская область, Зерендинский район».

Октябрьские бои 1941 г. под Москвой

М. Габдуллин, находящийся в то время со взводом лейтенанта Евстратова, занимавшим позиции на берегу реки, пишет об одном бое 16 октября:

«До обеда шел мокрый снег, было тихо. После полудня заговорили минометы и пушки с обеих сторон, снова задрожала земля. Волна за волной летят немецкие самолеты, сбрасывая бомбы и обстреливая из пулеметов... Бой продолжался около трех часов. И снова над Осташево установилась тревожная тишина... Время как будто остановилось. Неожиданно где-то вдали, со стороны немцев, послышалось глухое надрывное гудение моторов – шли танки. На другом берегу реки появилось около полуроты немцев.

– Огонь! – скомандовал я.

Звучной дробью ударили пулеметы, сухо затрещали винтовочные залпы. Фашисты в панике заметались. Подоженные бронебойными пулями запылали все три машины.

– Танки с тыла!

Я оглянулся – три огромных танка шли прямо на наши окопы. Вначале мне показалось, что это наши советские танки, ведь мы же не отступили, не отдали этого берега, откуда же здесь появиться врагу! Но танки шли на нас, и на броне их зловеще чернели кресты.

– Подготовить противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью! – командовал я.

Танки стремительно приближались к окопам, заходя с правого фланга, на ходу поливая нас свинцом пулеметов. Передний танк уже приближался к отделению Шашко, и, лязгая гусеницами, закружился на одном месте, распахивая и осыпая брустверы окопов. Василий Шашко с двумя противотанковыми гранатами выбежал вперед и сильно метнул их в моторную часть танка. И броня тотчас же запылала, быстро и легко как свеча. Фашисты повыскакивали из горящей машины и попали под пули наших бойцов. Остальные два танка, видя такое положение, повернули обратно. В это время из окопа выскочил Бзаубек и бросил в ближайший танк бутылку с горючей смесью. Загорелся и этот танк к всеобщему торжеству бойцов. Третий танк успел отойти в сторону Осташево.

Прошел еще один овеванный пороховым дымом осенний день...

Теперь нас во взводе оставалось 26 человек. Что мне скажет Шуть (командир роты – авт.) после таких потерь? Я ждал его приходы с минуты на минуту. Каждый вечер он появлялся в нашем взводе..., а если не мог прийти, посылал связного. Сегодня ни того, ни другого не было. Это встревожило меня, и я послал двух связных выяснить обстановку.

Прошло больше часа, а посыльные не возвращались...

– Неужели наши оставили Осташево? – тихо спросил Шашко.

...Время тянулось медленно, вселяя все большую тревогу. Посыльные не возвращались. Мы посоветовались с Шашко и решили послать еще двоих – сержанта Коваленко и Хасенова...

...Хасенов и Коваленко вернулись на рассвете 17 октября и привели с собой тяжело раненного бойца.

Сержант Коваленко сообщил:

– На окраине города мы наткнулись на наших посыльных. Они лежали убитыми и без документов. Мы ползком двинулись в сторону командного пункта роты, расположенного на огородах, никого там не застали. Везде стояли машины, танки и часовые противника. На обратном пути мы обнаружили раненного бойца.

Раненый был связным батальона. Он поведал о том, что рота получила приказ батальона на отход. Но выполнить приказ не удалось, немецкие автоматчики окружили группу младшего лейтенанта Шутя, и он погиб».

После краткого обмена мнениями с бойцами взвода М. Габдуллин принял решение на рассвете 18 октября начать выход из окружения. Похоронив погибших, под прикрытием утреннего тумана, бойцы взвода покинули позиции, взяв курс на Волоколамск. В строю остались 24 бойца. Огневую ударную сил составляли, кроме винтовок, два ручных и один станковый пулемет.

18 октября бойцы Малика Габдуллина, продвигаясь по лесу, встретились с группой красноармейцев в составе 37 человек, часть которых шла на восток от самой границы страны. Старшим в группе был Сергей Сахно. Но оружие было только у 12 человек. Отряд Сахно присоединился к взводу М. Габдуллина. Новые

бойцы признали его и своим командиром. Едва отряд двинулся в путь, как вскоре к нему присоединилась еще одна группа людей в составе 54 человек во главе с младшим лейтенантом Рубцовым.

20 октября. Отряд М. Габдуллина продолжал движение на восток.

«Идем медленно, с частыми остановками. Трудная дорога. А главное отсутствие пищи в течение нескольких дней сказывается на бойцах. В час дня мы вышли на опушку и остановились на привал. Вблизи лежали тихие, овечьи покоем, мирные поля Подмосковья. А в километрах двух от леса, на пригорке, виднелась небольшая деревенька».

М. Габдуллин провел совещание с командирами и послал в деревню разведчиков. Через несколько часов они вернулись и сообщили, что немцев в деревне человек двадцать. Они охраняют два военных склада: один с продовольствием, другой с оружием и боеприпасами. У складов стоят по 2 дежурных, остальные сидят в домах и ждут своего дежурства.

М. Габдуллин отобрал 30 человек, разбил их на три группы и приказал с трех сторон вступить в деревню.

Бой продолжался недолго. Открыв склады, отряд запасся продуктами, оружием и боеприпасами, после чего отошел в лес на несколько километров, и сделал привал.

21 октября. Отряд М. Габдуллина после отдыха в 12 часов дня снова отправился на соединение со своими войсками.

«Слышна далекая артиллерийская стрельба. Она постепенно приближается. Отчетливо доносится до нашего слуха пулеметная дробь».

Решили послать разведчиков. Через два часа они вернулись и сообщили, что немцы движутся колоннами по дороге к фронту, а впереди нас у одной большой деревни идет бой. Сержант Касымбеков, посланный на правый фланг, встретился с лесником, но здешний лесник на контакт не пошел». Тогда М. Габдуллин сам решил пойти к домику лесника. Только увидев Малика Габдуллина в советской форме, лесник рассказал о себе и сообщил, что фронт в 6 километрах, что бои идут здесь два дня подряд у села Спас-Рюховское. Лесник предупредил, что вокруг болота и прямой дороги нет. Но он согласился провести по лесной тропинке. Движение заняло почти весь день и потребовало немало сил у бойцов, несших на себе не только оружие и раненых, но и тащивших двуколки с боеприпасами и пулеметами.

22 октября сводный отряд М. Габдуллина вышел в расположение 1075 полка 316 дивизии. Поблагодарив за помощь лесника, отряд двинулся к штабу полка.

«Не доходя до Спас-Рюховского, мы остановились у опушки. Оставив Коваленко за старшего, я вместе с Рубцовым и Булышевым направился в дом, где находился штаб. Открыл дверь и от неожиданности растерялся – на меня смотрели генерал Панфилов и полковник Капров. Я замер, как в строю, вытянув руки по швам. Быстро собравшись с мыслями, я доложил генералу, кто я и откуда явился. Панфилов поздоровался со мной, и, взяв меня под руку, попросил сесть и рассказать ему обо всем, что с нами приключилось. Я начал подробно докладывать. Генерал и Капров внимательно слушали».

– Сейчас в моем отряде вместе с бойцами третьего взвода в строю находятся сто сорок три человека. Все они готовы к бою».

– Вот это хорошо, – сказал генерал, и в его голосе послышались нотки удовлетворения. – Спасибо Вам за службу. Молодцы!»

Ноябрьские бои

«11 ноября 1941 г. Наша рота заняла новую оборону северо-западнее разъезда Дубосеково».

Именно в этот день полковник Капров объявил М. Габдуллину, что он назначен командиром роты пулеметчиков и ему поручено сформировать эту роту из наиболее сильных и смелых бойцов. Но командиры подразделений под разными предлогами отказывались давать своих бойцов в силу больших потерь в октябрьских боях.

М. Габдуллин свидетельствует, что он был правым соседом взвода Д. Ширматова в районе Дубосеково.

Сначала коротко о роте автоматчиков. Приказом НКО № 0406 12 октября 1941 г. в состав полка была введена рота автоматчиков в количестве 100 человек, вооружённых пистолетами-пулемётами, с командиром роты, старшиной и политруком.

Группа автоматчиков была создана еще при генерале Панфилове в ходе обороны Москвы. В то время катастрофически не хватало людей и автоматов. Поэтому в 1075-м сп была создана только группа автоматчиков под командованием Малика Габдуллина, которых насчитывалось всего 13 человек. Они здорово отличились в 1941 году. Об этом мы уже вели речь в книге, написанной совместно с профессором В. К. Григорьевым. В общем, рота автоматчиков 1941–1942 годов была своего рода элитным формированием в дивизии, которая обеспечивала наступление и прорыв, о чем мы читаем в воспоминаниях автоматчиков и документах штабов полка и дивизии.

Начав по решению полковника Капрова формирование роты автоматчиков, Малик Габдуллин и его политрук прибыли в штаб полка для получения приказа о дальнейших действиях.

14 ноября 1941 г. Малик Габдуллин вспоминал: «...С утра прибыл в штаб первого батальона, но кроме телефонистов и писаря никого не застал. Писарь сказал, что командир батальона и комиссар ушли на “передовую”. Позднее выяснилось, что и командир, и комиссар батальона не хотели отдавать своих бойцов, учитывая некомплект рот и взводов. Но трех человек я все же забрал». И в его «роте» вместе с ним стало 13 автоматчиков.

Выполняя поручение Капрова, Малик Габдуллин встретился с политруком Клочковым. Тот категорически отказался отдавать своих бойцов. В ходе беседы затронули вопрос стойкости. Клочков сказал тогда:

– У нас еще мало стойкости. Но мы хотим показать здесь, как надо драться с врагом. Об этом мы уже договорились со своими бойцами. Дальше отступать некуда... Я твердо решил – ни шагу назад! – повторил Клочков. – Велика Россия, а отступать некуда. Куда же еще уходить с нашей, родимой, этой земли? Некуда».

16 ноября автоматчики роты М. Габдуллина (13 человек) заняли свою позицию на опушке леса вблизи деревни Морозово. По плану они должны, пропустив немецкие танки, отсечь с фланга идущую следом немецкую пехоту.

«На рассвете 16 ноября дозорный Абдикаримов первым услышал гул моторов.

– Мы переглянулись, прислушались. И действительно, гул тяжелых машин слышался со стороны Морозово. Не прошло и пяти минут, как мы увидели немецкие танки. Один, два... пять. Громоздкие тупорылые чудовища с огромными черными крестами на бронированных башнях неотвратно ползли по московской земле в сторону Ширяево.

Танки прошли мимо, не заметив нас. Мы замерли в своем кустарнике. Вот пехота подходит... Расстояние между нами сокращается все больше... Когда ничего не подозревавшие немцы поравнялись с кустарником и приблизились к нам вплотную, я подал долгожданную команду:

– По фашистам огонь!

...Закипел бой. Вскоре немцы отошли и дали команду из ракетницы. А через минуты земля заходила ходуном, закипела от густых и частых минометных разрывов.

В этом бою уничтожили до 200 фашистов.

После того, когда взвилась еще одна немецкая ракета, мы увидели, что два танка развернулись и пошли на нас. Мы подбили эти два танка. Но у нас закончились патроны, и мы по дну неглубокого оврага ушли из района схватки».

18 ноября автоматчики М. Габдуллина после ухода из района Ширяево, которое было занято вражескими танками и мотопехотой, направились на восток, установив ближе к ночи, что полк отошел в район Шишкино и Гусенево.

Во время боя под селом Рябушки часть второго батальона оказалась отрезанной со всех сторон. В контратаку были брошены рота третьего батальона и группа автоматчиков во главе с М. Габдуллиным. В это время танковый, пулеметный и минометный огонь простреливал подступы, фашисты стремились не допустить соединения автоматчиков. Командир группы был тяжело ранен, ранение получил и М. Габдуллин. Но сознание того, что оставлять группу без командира нельзя, он, преодолевая боль ранения, принял командование на себя и не ушел с поля боя до выполнения поставленной задачи. В результате отрезанная группа при малых потерях возвратила свою боеспособность.

15 декабря 1941 г. части 8-й гвардейской стрелковой дивизии выведены в резерв Ставки ВГК.

5 января 1942 г. политрука роты автоматчиков М. Габдуллина вызвали в штаб 1075-го гвардейского стрелкового полка. Там он узнал, что вместе с командиром роты, ст. лейтенантом Соловьевым будет членом полковой комиссии для отбора в автоматчики самых лучших бойцов. В ближайшее время прибывает пополнение из Казахстана.

Вот тогда-то и был выполнен приказ НКО по формированию полной роты автоматчиков.

16 января 1942 г. дивизия была отправлена на фронт. В первом эшелоне панфиловцев ехали батальон капитана Гундиловича и рота автоматчиков. Политрук М. Габдуллин попросил Гундиловича прийти к автоматчикам и рассказать о подвиге 28 героев-панфиловцев, которые служили в его батальоне. Более двух часов слушали с затаенным дыханием автоматчики рассказ капитана.

6 февраля 1942 г.

«При занятии села Ново-Свинухово большую роль заняла группа автоматчиков в количестве пяти человек во главе с тов. М. Габдуллиным, которая, зайдя с фланга в село и проникнув в центр села, подняла панику среди фашистов. В это время подоспела рота второго батальона, и село было освобождено. Бежавшие немцы в панике оставили в селе свыше 30 легковых и грузовых машин, 2 склада с вещевым и продуктовым довольствием. Тов. Габдуллин с группой автоматчиков привел 12 пленных фашистов, среди которых был один офицер. Было уничтожено до 50 немецких автоматчиков».

9–10 февраля 1942 г.

«Село Бородино, с боем отбитое у немцев, являлось важным стратегическим пунктом, из которого ряд дорог соединяли немцев со Старой Руссой. На наше подразделение, расположенное на границе села Бородино, немцы бросили полк эсесовцев и соединение “Мертвая голова”. Для срыва наступления немцев рота автоматчиков во главе с тов. Габдуллиным была послана для удара с правого фланга по наступающему противнику.

В течение боя, длившегося около 7 часов, тов. Габдуллин пять раз ходил в атаку и контратаку с лозунгами “За Родину! За Сталина!” и четыре раза отбивал атаку немцев, пытавшихся обойти с фланга наше подразделение. Уничтожил прислугу пулемета противника и захватил пулемет, тем самым способствовал успеху боя. В ходе боя противник, потеряв свыше 2000 убитых и раненых, отступил.

Село Бородино осталось за нами до получения новой задачи. Личный пример тов. Габдуллина воодушевлял бойцов. Ранее представленный к присвоению звания Героя Советского Союза автоматчик Тулеген Тохтаров является воспитанником тов. Габдуллина» (Из Боевой характеристики на старшего политрука пропаганды Габдуллина Малика).

«К званию Героя Советского Союза ст. политрук Малик Габдуллин представлен за январско-февральские бои 1942 г. в Торопецко-Холмской наступательной операции.

– Я – казах, – с гордостью говорил Малик, принимая орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза, – и получаю высокую награду правительства моей родины из рук русского генерала. Как знаменателен этот обычный для нас факт. Он подчеркивает, что бойцы всех национальностей нашей великой страны неразрывно сплочены в борьбе против общего врага. . . Я клянусь, что буду драться еще крепче. . .

Эту клятву повторяют вслед за Маликом тысячи и тысячи сынов казахского народа» (Ритман М. Жизнь Героя. Казахстанская правда, 1 мая 1943 г.).

Еще война будет длиться больше двух лет, но старший политрук думает о политическом и военном воспитании казахской молодежи на примерах героизма батыров прошлых веков и нынешнего времени. 24 февраля 1943 г. М. Габдуллин пишет письмо своему другу Есету:

«Я написал тов. Скворцову (1 секретарь ЦК КП(б) Казахстана – авт.) длинное письмо. В нем говорится вот о чем:

1. Каждый народ хвалит и возвышает своего героя. Мы уважаем Едиге, Кобланды, Торгына, Сырыма, Исатая, Махамбета, Абая, Шокана, Кенесары-Наврұзбая, Амангельды, Джамбула. Мы берем с них пример. Мы знакомим бойцов с их делами и призываем “учиться у них делу служения народу”. Но об этих лицах нет никаких биографических материалов. Произведения их самих или о них издаются плохо.

На фронте Отечественной войны также выдвинулось немало казахских батыров. О них ничего не пишется. Об их героических делах тыл почти ничего не знает. Необходимо написать о них брошюры и книги.

2. Мы хотим читать художественные произведения, песни батыров, казахскую литературу. Песни батыров нужно вынуть из сундуков филиала (Академии наук КазССР – авт.) и издать. Воспитательное значение песен батыров – огромно.

3. Нужно вести среди казахского населения пропаганду военного искусства. О войне, об армии нужно побольше издать популярных книг. Нужно писать о героях. Это нужно для тыла. Нужно распространить портреты героев. . .

Есет! Мы все говорим и жалуемся, что нет казахской литературы. Почему же мы сами не пишем ее, хотя бы понемногу. Будет ли правильным оставить на завтра то, о чем нужно написать именно сегодня?

Из-за этого уже начинают исчезать из памяти многие события и рассказы. Мы даже не знаем дат сложения некоторых песен. Даже долгое время не могли установить фамилий известных Шортанбая, Шоже и др.

Очень позорно присваивать им выдуманные фамилии из желания оправдать свое незнание. Имеется ли биографический очерк о жизни и деятельности хотя бы одного исторического деятеля казахской литературы? Ведь нет! Если мы пишем о них, ссылаемся то на одно, то на другое их произведение. Точно также: казахский театр существует с 1926 года, а имеется ли хотя бы одна книга об этом? Почему не пишется о лучших артистах театра? Почему не показываются пути их творческого роста?

Вот все это должно вытекать из вопроса о доблестном сыне казахского народа и его настоящем пути. По-моему, нужно об этом подумать».

Патриот, гражданин, ученый Малик Габдуллин – герой XX века. Мы должны знать и помнить поколение фронтовиков – наших отцов-дедов-прадедов. Изучать их труды, рассказывать о них детям и внукам, они достойны и нашей памяти, и нашей гордости!

Награды Героя Советского Союза Малика Габдуллина, полученные им в 1941–1945 гг.: орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», ордена Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной Войны I степени, медали «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

«8-Я ГВАРДЕЙСКАЯ – ЗАЩИТНИЦА МОСКВЫ»

Снегин Дмитрий – командир 4-й батареи 857-го артполка

Из штатно-должностной книги учета офицерского состава дивизии (июль 1941 – август 1942 гг.):

«Поцелуев Дмитрий Федорович, командир 4-й батареи, звания нет, Алма-Ата, Сталинский РВК, Союз писателей».

Из книги учета офицерского состава 857-го артполка:

«4 батарея, командир Поцелуев Дмитрий Федорович, мл. лейтенант, одногодичные курсы при 83 ап г. Ашхабад в 1937 г. Уроженец Алма-Аты, жена Поцелуева Александра Яковлевна».

СТЕНОГРАММА

беседы с тов. ПОЦЕЛУЕВЫМ-СНЕГИНЫМ Дмитриевым Федоровичем

Беседу проводит научный сотрудник Голубева Р. И.

Записывает Пейсахзон Э. Я.

г. Алма-Ата. 20.XII.1946 г.

Гвардии майор. Командир батареи, командир дивизиона, начальник штаба полка, начальник штаба артиллерии дивизии, командир артиллерийского полка.

Год рождения 1912, русский.

Образование высшее – сельскохозяйственное и литературное

Член партии с 1939 г.

До войны – писатель

Награды: орден Красного Знамени, орден Красной Звезды, орден «Знак почета», три медали.

Формирование дивизии началось 13 июля 1941 года.

Эта дата всегда у нас в дивизии отмечается как дата нашего рождения.

С первого дня формирования до дня ранения я был в этой дивизии.

Дивизия формировалась так: командный состав нашей дивизии был весь из запаса, за исключением командиров полков, начальников штабов и в отдельных случаях командиров батарей или командиров дивизионов. Остальной командный состав все были инженеры, агрономы и т. д.

Командный состав подбирался по документам, которые находились в военкомате, а комиссары рекомендовались ЦК партии.

Приход в дивизию.

Хороший был день. Получили повестки. Явились.

Здесь у нас такая крепость. Там был сборный пункт. Стекались туда люди.

Дивизия формировалась очень быстро. Примерно в течение трёх дней командный состав дивизии был укомплектован весь.

Я попал в артиллерийский полк. Наш артиллерийский полк формировался в очень хорошем месте. Здесь есть Тастак. Там был милицейский лагерь. Это в садах, где зрели груши, вишни, черешни. Командир нашего артиллерийского полка был совершенно изумительный человек – подполковник Курганов Георгий Федорович, старый артиллерист, человек, который прошёл гражданскую войну, кадровый офицер Красной Армии.

Нам, сугубо гражданским людям, показался он вначале очень суровым, беспощадным. Представьте себе: нас собрали всех в нашем артиллерийском полку. Что представлял из себя командный состав? Один – доцент математики, очень интеллигентный человек, никогда не имевший понятия ни о дисциплине, ни о распорядке в армии, другой – геолог, третий и четвёртый – астрономы, пишевики – рыбоводы. А здесь пришли дикие кони. У нас, оказалось, нет лошадей. Нам пригнали из степей лошадей. Нужно было этих лошадей обучить. Упряжь лошади должна быть так же сработана, как орудийный расчёт, а здесь дикие лошади. Мы с ними не умеем обращаться. Амуницию мы никогда не собирали, не знаем, что к чему. Всё это создало огромные трудности, а с нами командир полка, нам казалось, не считался, он требовал. Сам он был совершенно неутомим. Совершенно изумительный человек. Он создал наш артиллерийский полк. Днём и ночью он был на ногах. Не знаю, когда он спал.

А тут стал поступать народ сразу. Сразу нужно было готовить. Приходили командиры орудий, командиры взводов. Ты ничего не знаешь, они всё забыли.

Благодаря такой, какой-то железной, в то же время умной, умелой настойчивости, которую всё время проявлял наш командир полка, мы через месяц уже сколотились в сильный боеспособный организм.

Не обошлось без того, что многих людей отсеяли из рядового и сержантского состава.

Народ подбирался самый замечательный. Он умел воспитать какую-то гордость и веру в своё орудие. Как хороший школьный учитель умеет воспитать класс, так и он.

На 12-й-13-й день существования нашего полка пришла первая материальная часть – орудия. Он из этого простого, казалось бы, факта сумел сделать великий праздник, причём праздник большого и эмоционального напряжения. Мы получили эти орудия, словно получили какой-то священный дар, который принесёт спасение.

Мы тогда этого ещё не осознали, в тот период считали его суровым, несправедливым человеком. Это потом оказалось, когда вступили в бой под Москвой.

На похвалы он был скуп, но на замечания, когда натёрли холку коню, не накормили батарею, был щедр.

В чём секрет побед нашей дивизии?

Казалось, мы пришли – и члены партии, и беспартийные – люди всё-таки с образованием. Мы ещё мало понимали в воинских делах, но мы глубоко понимали общую ситуацию. Мы понимали, что от нас зависит спасение. Нам казалось, что и рядом должна быть такая часть. Глубокая сознательность командного состава и помогала нам.

Мы быстро переросли во многом некоторых кадровых офицеров. Это особенности, которые нам помогали, и старший командный состав, который нами руководил, умел этим воспользоваться. Так была сформирована наша часть. Об остальных частях я не могу сказать. Части были разбросаны. Был сформирован наш артиллерийский 857-й полк 316-й дивизии, потом 27-й гвардейский полк.

Дважды к нам на наши занятия приезжал генерал Панфилов.

Я его видел 4 раза: в Алма-Ате 2 раза и на фронте 2 раза. Меня в этом человеке поражало одно: он был чрезвычайно спокоен; когда я его наблюдал, я его никогда не видел нервным, кричащим. Но когда он говорил спокойно, неторопливо, то каждый ощущал, что только так можно сделать и попробуй не выполнить. Какая-то магическая сила была в нём, и знал он своё дело прекрасно, а знание, которым обладает командир, чувствуется немедленно. Попадётся тебе командир, который ничего не знает, сразу чувствуешь, что разлад пошёл.

На фронте я занимался с командирами батарей сугубо артиллерийским делом, которого в боях мы ещё не применяли, – знакомил артиллеристов с логарифмической линейкой. И он приехал, посмотрел и говорит: «Да, вы далеко идете, а ведь это скоро пригодится».

Я совсем не отдавал себе отчёта, чтобы не размагничивать людей, я решил позаниматься с ними. Это были пророческие слова. Когда мы стали применять мощный массированный артиллерийский огонь, там знание дела очень пригодилось нам.

18-20 августа наша дивизия уже отправилась на фронт. Мы стали формироваться 15 июля, а уже 18 августа были погружены в вагоны, причём это было совершенно неожиданно. И для командного состава казалось, что для того, чтобы сколотить из тыловых людей дивизию, нужно 3-4 месяца. Панфилов сказал: мы месяц уже обучались, и нас ждут. Уже враг под Смоленском.

Как мы уезжали

Уходили эшелоны в основном ночью. Наша станция «Алма-Ата-2» служила отправной базой. Туда в конвойном строю шли. Провожающих было очень мало.

Хорошо нас проводили. Центральный комитет был очень внимателен во всех отношениях. Многих из нас они знали лично. В дни формирования к нам секретари ЦК и секретарь обкома приезжали. Связь эта не прекращалась на фронте. В этом отношении нужно отдать должное нашему бывшему секретарю ЦК Скворцову. Это был очень внимательный человек. Он держал под своим личным наблюдением семьи панфиловцев во всём Казахстане, особенно в Алма-Ате, вплоть до того, что никогда не забывал таких дней, как Новый год, 7 ноября. Он обязательно мог обрадовать каким-нибудь неожиданным подарком. Он знал, у кого есть дети. В этом отношении его секретариат походил на оперативный штаб. У нас сохранилась о нём самая хорошая память.

Наконец мы отправились на фронт. Я из своей семьи уехал, совсем не сказавшись. Это было, может быть, жестоко, но жена ходила на седьмом месяце. Поэтому я ей ничего не сказал. Дал телеграмму с дороги. Меня никто не проводил, кроме друзей.

Наконец, мы на фронте. Но прежде чем попасть на фронт, мы попали по дороге во фронтовую полосу под авиационное воздействие противника. Это случилось на Октябрьской железной дороге, недалеко от города Боровичи, когда вдруг наш эшелон внезапно остановился. Ехали мы без всякого прикрытия зенитной артиллерии. Орудий, пулеметов пехота не имела. Это было первое, что нас постигло.

Как-то такое было впечатление: «Всё выше и выше». И мы ехали с таким наивным сознанием, когда понимали, что враг в Смоленске, но все думали, [что это не так]. И когда появились эти самолёты, мы высовывали головы, думая, что это наши. Такое ощущение, что не может быть, чтобы это были немецкие самолёты. Когда нас неудачно побомбили, мы поняли, что это не наши. [Рядом с] нашим эшелоном жертвы были следующие: это были две женщины, которые собирали на поле горох. Одна из них упала сразу, другая побежала. Одну оглушило, другую убило насмерть. Это нас очень глубоко взволновало. Мы никогда ещё не видели убитых и раненых. Сбежался народ. Кто-то заохал: «У неё муж на фронте, шестеро детей». Тут же пришло известие, что впереди нас идущий артиллерийский эшелон жестоко разбомбили. У нас выбило окна осколками, лошади от страха выскочили из вагона, но никого не ранило.

Из Боровичей мы уже шли походным пешим строем по лесам Ленинградской области, причём для нас, казахстанцев, это был совершенно иной мир. Мы привыкли к степям. В степях мы хорошо ориентируемся, а здесь леса, ничего не видно. Свернёшь, и уже все пропали из виду. Шли мы форсированным маршем днём и ночью.

Там дожди были. Очень трудно было, особенно для нас, артиллеристов, когда орудия проваливались. Этот марш – прелюдия к фронтовому быту. Этот фронтовой быт ещё усугублялся тем, что нас всё время сопровождали немецкие ракетчики. Когда мы ночью двигались без шума, вылетает такая свеча, потом такие свечи зажигает. Но проходит 10-15 минут, появляются самолёты. Темно. Ракеты взлетают, и они начинают бомбить, обстреливать и т. д. Мы начали понимать, что действительно война не шутка.

Прошли знаменитые места – Валдай, Крестцы, станцию Лучково, которая находилась у противника. Мы стояли в обороне, во втором эшелоне. Наши боевые действия заключались в том, что мы пускали разведчиков. Командование нас приучало. Самого непосредственного контакта с противником не имели.

Это время прошло в очень напряжённой боевой обстановке. Мы учились копать окопы, окапывать орудия и пулемёты. Здесь наш командир полка вместе с Панфиловым произвёл проверку наших знаний на боевых снарядах.

Мы отстреливались боевыми снарядами. В жизни в первый раз руководил стрельбой артиллерии. Не помню, какого числа, но знаю, что уже в сентябре нам выдали пистолеты, которые мы, как ребята, собирали и разбирали. Учились бросать всевозможные гранаты и т. д. Мы запах пороха стали узнавать, немецкие самолёты стали отличать, что за «Мессершмидт». А до этого мы никакого понятия не имели.

Но здесь мы никаких боёв не принимали. Била у нас батарея только от авиации. Здесь мы наслушались всевозможных историй фронтовых полков, тылы которых стояли у нас. Многие из них шли от Бреста. Много здесь было рассказано былей. Много их расспрашивали и хотели скорее вступить в бой.

В сентябре вдруг неожиданно тревога, причём такая, что нас снимают днём, это невиданное дело, с боевых позиций форсированным маршем отправляют на станцию Крестцы, к г. Крестцы. Под наблюдением немецкой авиации мы погружаемся в эшелон. Нас обстреливают. Нам дали авиационное прикрытие. Мы увидели первые наши самолёты. Наш лётчик самоотверженно нас защищает. Немцев было много. На наших глазах погиб один лётчик.

Погрузились в эшелоны, и эшелоны помчались. Мы ничего не знали. Эшелоны гнали так, что мы от Крестцов мчались до Калинина. В Калининe только остановили. Вражеский налёт. Нас бросили вновь в путь. Только в Калининe мы смогли лошадей покормить и сами поесть и вновь дальше, на Москву. Наконец, ночью мы в Волоколамске. Здесь каждый почувствовал настоящий фронт, невероятное напряжение.

Ночью мы уже отошли на запад от Волоколамска и заняли оборону на берегах скромной речушки Руза. Стоим день, стоим два, стоим три. Идет учеба. Копаем окопы. Там был оборонительный рубеж, но он оказался совершенно непригодным, бессмысленным. Нам пришлось совершенно заново все переделывать. Наблюдательные пункты наши были поставлены на таких местах, которые можно было видеть невооруженным глазом на огромное расстояние. Они были нежизненны.

И здесь появилось страшное. Нам казалось всё время: что такое мы – дивизия ополченская, это дивизия, которую никогда не пустят в бой, дыру будут закрывать. Чувствовали себя морально униженными, что нам не доверяют большого дела.

И вдруг на 5-6 день после того, как мы встали на этот оборонительный рубеж, причем дивизию растянули примерно на 46 километров по фронту, мы думали: что же, значит, там орудуют кадровые части.

Дивизия растянута на 46 километров. Командиру дивизии нужен день, чтобы на автомобиле проехать штабы полков. Батальон от батальона на 10 километров.

И тут прошли через нас наши кадровые части. Шли эти кадровые части одиночками, парами, десятками. Шли эти люди, совершенно разбитые не только физически, но и морально. Это у нас вызвало озлобление. То, что шли мальчишки, комсомольцы, это было понятно. Думаешь: «Мальчик, бог с ним». Кроме страха, ничего не было в глазах его. Он шел. У него был животный страх в глазах. Он вырвался и шел.

– Куда идешь?

– На Восток.

И шел. Слово Родина для него не существовало.

Озлобление у меня вызвал полковник. Я понимал его: идет из окружения. Часть разбита. Но человек был совершенно потерян, он ничего не понимал. У него было состояние прострации.

Как у нас ни отбирали, в дивизии были тысячи людей. Это могло нехорошо отразиться на состоянии, в том числе на общем состоянии, а то и на отдельных людях. В этом состоянии генерал Панфилов, по-моему, поступил очень хорошо. Было дано указание: специальная группа таких людей брала и уводила, чтобы они не общались с нашим народом.

Накануне вдруг произошел такой случай. Вдруг смотрим – конный отряд, человек в 50 всадников. Нас особенно поразило: их клинки (?) были приторочены с левой стороны седла. Люди шли медленно, утомленные суточным переходом, видимо, недавно из боевой передряги. Но люди смелые, бодрые, сильные.

У тех – ни оружия, ни документов, ничего не было. У этих – орудия впереди на тачанках. Идет человек в дохе, кубанка на нем, с ним 2 ординарца.

Остановился.

– Товарищ младший лейтенант, можно вас?

Подхожу. Вижу – капитан. Что это такое? Мы научены горьким опытом.

– Капитан Иванов, начальник подразделения разведки Доватора.

О Доваторе мы уже кое-что слышали.

– Ты меня не спрашивай. Где твой штаб? Я устал, хочу отдохнуть.

Я повел к командиру дивизиона. И вот этот первый человек, капитан Иванов, рассказал нам, что такое немцы.

Потом мы работали вместе с Доватором.

Это была совершенно изумительная, своеобразная конная группа. Они впервые нам рассказали, что такое немцы, и правильно рассказали.

– Вы говорите, что это трусливый народ, нестойкие солдаты, почему прут. Нам с вами не хватает двух мелочей – дисциплины и организованности.

Это было здесь сказано. Действительно, в первые месяцы было так все разрушено, что дисциплина и организованность исчезли. Он высыпал 48 железных крестов. Все это было для нас ново.

Старшину гонял: Доватор ему доверил свой мундир, послал ему самолет. Немцы захватили этот чемодан.

– Они будут говорить, что генерала захватили. Что он теперь будет делать со мной?

Изумительный капитан.

– Как мы насадили дисциплину?

– Плеткой. Мы своих казачков научили плеткой.

У них не было мордобоя. У них был неписанный закон. Они своего генерала называли «батька». Он кричал: «Сашка», «Мишка», «Ванька», но дисциплина у него была крепкая. Он прикрывал все части, которые отступали.

Так мы узнали о немцах впервые. Нам это было очень приятно. Они вышли организованным, сильным коллективом. Они два дня выходили. Было понятно, что действительно можно в тылу сохранить стойкость.

Какие были в начале бои

Генерал приказал двигаться вперед. Разведчикам. Уехали на 15-18 километров и ни своих, ни противника не видели. Это было страшное ощущение, вот почему.

Здесь идет оборонительная линия, а впереди русское село... Пойдешь рекогносцировку делать. Такое страшное душевное состояние у всего народа. Кто-то рассказывает, что вот председатель сельсовета убежал, а мы куда? Куда коров девать?

Было очень тяжелое состояние.

Здесь же прославился наш начальник или командир разведывательной роты дивизии. Он первый привел к нам немца. Это был отчаянный человек.

Наконец наступил день, на нашем участке это было 16 октября 1941 года, а на левом фланге это было 14 или 15, когда мы, сидя на своем наблюдательном пункте, видели группу войск. Сначала нам показалось, что это, должно быть, свои, а потом видим: нет, не наши. Так, совершенно неожиданно для нас, появились перед нами не наши войска, а немецкие.

На левом участке был уже бой. Уже происходили бои наших первых частей с танковой группой противника, где погиб мой командир дивизиона Петраш Арсений. Это тоже значительный человек. До войны с ним встречался. Так раскрываются душевные качества человека. Он работал в республиканской газете «Казахстанская правда» рядовым журналистом. Совершенно скромный человек, даже казалось, бесталанный. А тут он развернулся, оказался огромной душевной силы. Я даже удивился, откуда у него такой огромный опыт. Он знал, как по-военному и по-человечески воспитывать людей. Пушку знал почти наизусть. Когда мы ехали, он читал всё время.

Погиб он совершенно нелепо. Никогда не забуду, как дивизион его, как я говорил, был растянут на огромную площадь. И он поручил мне, как командиру главной батареи, – я командовал 4-й батареей, – поручил командовать двумя батареями, а сам поехал в тяжёлую батарею, которая стояла на левом фланге.

Он был такой беспокойный человек, причём он был очень домовитый. Он умел подобрать старшину. У нас всё было вкусно. Сам умел олады делать.

Там уже начался бой. Туда выехал командир и комиссар полка. Он ко мне приходит.

– Надо сегодня старика чем-нибудь отметить.

Он понял скорее нас, что такое наш командир полка. Он купил поросёнка, приказал повару фаршировать его и ночью приехал проверить состояние наше. В это время нагрязнул командир полка ко мне. Вдруг появляется Петраш.

Это была половина октября. Первый снег выпал. Он простужен, в шарфе. Вошёл, видит командира полка. Я говорил, что командир полка был суровый. Он его отругал.

– Вы зачем здесь?

– Как зачем. Я командир дивизиона.

– Здесь вы оставили командира главной батареи. Он отвечает, а вас я послал в гаубичную батарею. Если вы мне эту батарею потеряете, я с вас голову сниму.

Петраш посмотрел на него, говорит:

– Товарищ командир полка, голова у меня одна и пожалеть её надо.

Повернулся и ушёл. В ту же ночь он погиб. Командир полка совсем не в злобе говорил. Он любил нас как никто.

Когда он уехал на наблюдательный пункт, немцы просочились. Немец подбил его лошадь. Он был солидный. Он подобрал сильную огромную кобылу. Она была неповоротливая. Возьмём хотя бы моего коня. У меня был горячий конь.

Пока его конь повернулся, автомат секанул по его лошади. Лошадь навалилась на него и его убило.

А поросёнка я вручил командиру полка. Он плакал.

Этот бой знаменит тем, что немцы бросили группу танков на прорыв. Пехота сражалась самоотверженно. Наши артиллеристы самоотверженно сражались, вплоть до того, что в третьей атаке он бросил 18 танков. Они подбили наше орудие, подожгли тягачи. Командир орудия подбежал к чужому орудию и отбивался пока его не задавило танком. Погиб начальник штаба нашего полка. Он был за стогом. Немцы подошли к стогу, подожгли. Он вышел с гранатой.

Это был бой, в котором мы не отступили. Тогда они, наткнувшись на такое жестокое сопротивление на левом фланге, кинулись на нас. Бой разгорелся на второй день. Появились на нашем участке немцы.

Бывают такие удивительные детали. Излюбленным методом немцев было то, что они сначала пускали свою авиацию. И вот эта проклятая авиация, а я уже принял командование дивизионом, – у меня был начальник штаба Морочков Пётр, чуваш, закончил московский институт, физико-математический факультет, у нас был, аспирант. Умница, совершенно спокойный. Я никогда не забуду, как он сидел на нашем наблюдательном пункте в окопе и рассчитывал в уме. Математик был совершенно исключительный, пятизначные числа в уме умножал.

Завязался бой, немцы нахально шли, так нахально шли, никакого охранения, ничего, ни разведки боем, шли словно на прогулку и вдруг натолкнулись.

Вечером это было. Мы не подумали пятиться. Наутро они опять. Мы ничего. Бой был очень ожесточённым, причём наши разведчики до того обнаглели: один старшина уже был в плену у них, его в свинарнике закрыли. Он вылез, притащил одного немца.

Мы были уверены. Я проверял это ощущение у других. Мы были уверены: немецкие снаряды летят, но они не могут убить, только наши могут убивать. Не может быть, чтобы мы могли пятиться.

Налетают немецкие самолёты. А мы смешались: 200-100 метров друг от друга стоим. Налетает немецкий самолёт. У них излюбленный метод: ракета за ракетой самолёты летят и начинают бомбить.

Какой-то милый пехотинец, – его фамилии не найти, они в направлении наших войск пускают световую ракету, а когда прилетела очередная стая немецких самолётов, он опередил их. Это было в разгаре боя, никто не обратил внимания. И как пришло в голову. Вот смекалка! Этот пехотинец пустил ракету. Они отбомбили свой передний край.

Такая минута: ракета взлетела.

– Что вы делаете?

А они уже отбомбились!

Но рубеж этот мы сдали, потому что к нам немцы зашли в тыл. Был какой-то 690-й полк, он выходил из окружения. У командира нашей дивизии был фронт 50-60 километров. Этот полк защищал часть этого фронта. На участке этого полка немцы прорвались.

Хочу сказать о замечательных качествах Панфилова. Как он чувствовал обстановку, как он верил нам. Он отдавал приказ, что от этой оборонительной линии ни шагу, он всегда скажет: мой штаб здесь, на случай прорыва и вторая оборонительная линия. Каждый полк, батальон разбит на случай прорыва.

– На карте меня искать там-то.

Немцы стремятся разорвать нас на куски. Никогда этого не было. 3-4 дня батальона нет. Потом он где-то выходит, и уже примкнул к нам. Мы знали, где свой штаб найдём.

Это было изумительное предвидение. Панфилов не скрывал, что мы можем отступать. Это было хорошо.

Здесь мы вошли в состав 16-й армии. Командир 16-й армии – Рокоссовский тогда ещё генерал-лейтенант. В составе этой армии была наша Панфиловская дивизия, два противотанковых полка и какая-то маленькая часть. Стал вопрос о подчинении группы Доватора. Вызвали Доватора. Он сказал, что подчинится только Ставке. Потом Ставка согласилась с Рокоссовским, и Доватор был в составе нашей армии, в оперативном подчинении.

Вы помните знаменитый сентябрьский прорыв под Москвой, на отдельных подступах к Москве. Гитлеровцы издали первый приказ о взятии Москвы. Поэтому нас бросили, неожиданно сняв с Северо-Западного фронта, передали на Западный фронт, которым командовал Жуков, бросили на оборону Москвы.

Знаменитый бой был под совхозом Булычево. Мы сдали Волоколамск и остановились на новом рубеже, в сёлах Голубцово, Веригино, Строково, Шишкино, Гусенево, где был штаб дивизии, Шесьяма.

Здесь мы упорно задерживались. Несмотря на два приказа Гитлера, они не пробились. Так прошла первая половина ноября, новый, третий, приказ «О взятии Москвы» 7 ноября. Здесь он (противник. – *Авт.*), подтянув огромное количество танков и авиации, ринулся на нас. Когда мы его задержали, мы много неприятностей ему наделали. Мы били его страшно. Здесь отличился впервые отвагой кавалерийского наскока Доватор. Однажды он пошёл вместе с генералом в село Попово, а впереди на холме село Быково. Был приказ взять Быково, потому что оно господствовало, он отсюда просматривал нас далеко.

Доватор сказал: «Я покажу, как нужно брать».

Собрал своих коноводов. У него была личная охрана – человек 50 из текинцев. Ни одного выстрела, ничего. Сумерки, слышим: «Ура». Не проходит получаса, приводят пленного.

Приходит Доватор: «Вот я научу, как брать, было Быково».

Ещё один случай исключительный. Это был случай в нашем артиллерийском полку совершенно исключительный. В одну из ночей у нас на 6-й батарее исчез командир одного орудия и два человека из расчёта.

В пехоте мы слышали: отошли, могли остаться, у нас, у артиллеристов это совершенно исключительный случай. Мы были поражены и в довершение всего их поймали, когда они пытались перейти на сторону немцев. Привели в штаб полка. Этот командир орудия был очень сильный, смелый человек. Когда мы были в Алма-Ате, был он поваром и казался очень хорошим. Он сумел ночью убежать, и с ним убежали двое.

Когда их ввели в штаб дивизии, в Особый отдел, они бросились в лес, в снег и убежали. Одного из расчёта, Зайцева, поймали и тут же ничего не стали делать: повели на батарею, построили весь дивизион и расстреляли.

Расстрел психологически тоже страшно тяжёл. Расстрелял его из нагана командир взвода, откуда Зайцев убежал. Тут как раз было получено письмо от его жены, трогательное письмо. Жена писала: «Милый Петя, ты не беспокойся». Такая

душа крестьянская была. Он ничего не мог сказать. Объяснил тем, что командир орудия сказал: «Всё равно погибать. Мы уходим и уходим. Придут немцы, нас убьют, репрессируют наши семьи».

Я не говорю, что у немцев агитация и пропаганда были поставлены совершенно изумительно. Когда мы были на Северо-Западном фронте, он нас забросал листовками. Мы просыпались утром – снег из листовок. Так же под Москвой. «Солдаты, мы вас не тронем, вы обмануты, виноваты коммунисты и командиры».

Пошёл бой. Мы стояли в большом селе Голубцово. Это Голубцово было заполнено беженцами из Волоколамска. Мы отошли на 6-7 километров от Волоколамска.

Нам говорили:

– Неужели вы и отсюда уйдёте?

Говоришь: «Нет», а сам чувствуешь, что будешь пятиться. На крыше у меня был наблюдательный пункт. Дом учителя. Он и его внук, белокурый мальчик.

– Приказ был вас эвакуировать.

Не идут. Когда немецкие войска охватили с фланга, они внезапно прошли в наши тылы. Когда мы оставили это село, мы по этому селу потом били. Мы отошли на 2 километра на опушки леса. В это село вступили десятки танков, сотни пехотинцев.

Генерал приказал бить. Мы сосредоточили огонь. Как это село горело, как там люди метались. Там был этот учитель и его внук.

Это была война, очень жестокая. Мы думали, что мы за вояки. Это было наше общее ощущение.

И вдруг 17 ноября под вечер мы узнаём, что нам присвоено звание гвардейцев. Мы немного растерялись. Когда мы читали о гвардейцах, мы думали – это богатыри, а мы – тыловики. Мы даже несколько растерялись, почему мы гвардейцы.

В этот день рядом с этой радостной вестью пришла страшная весть – генерал погиб. Погиб он в селе Гусенево. Проклятая мина шлёпнулась ни с того ни с сего. **Так мы лишились своего генерала.**

Принял командование полковник Шелудько, очень беспомощный, очень трусливый, очень неорганизованный человек. Мы не привыкли к такому командованию. Стали попадать в такое положение, когда противнику стало удаваться нас разрывать, окружать отдельные части. И по традиции, по инерции или по воспитанной Панфиловым привычке мы как-то интуитивно умели находить друг друга. Если сегодня мы были разбиты, то завтра противник снова видел сплочённую дивизию. Это удивительное качество, воспитанное Панфиловым.

Немцы ночью боя не вели. За день нас раскромсает, разорвёт, сметёт. Немцы покончили и ложатся спать. Мы идём по деревне и слышим, как поют, храпят, а мы ночью выбиваемся из сил, тянем орудия, боеприпасы. На завтра утром он начинает в 6 часов, как закон, и он видел перед собой вновь фронт нашей дивизии. И опять два-три дня стоим, колотим и никуда.

Сдали Истру, Истринское водохранилище. На Истринском водохранилище случилось большое несчастье. Когда одну из батарей, прикрывавших хранилище, немецкие танки, остановившись на нашем берегу, они не расстреляли эту батарею, а взорвали под ней лед. И ездовой, и орудие, и лошади пошли ко дну.

Когда мы прогнали немцев из-под Москвы, мы пошли на Истринское водохранилище, и Заяц, командир батареи, несмотря на морозы, нырял, и мы подняли свое орудие. Оно стало вновь на вооружение.

Наконец, рубеж Крюково, рубеж, который для нас являлся последним в смысле отхода.

Был такой случай.

Я уже командовал 3-м дивизионом, а этот третий дивизион мы подобрали Бродил дивизион. Когда мы его подобрали, он оказался отдельным дивизионом, которым командовал сын Чапаева. Где-то их разбили. Управление дивизиона попало в одну сторону. Потом по газетам мы следили: капитан Чапаев стал полковником. Этот дивизион подобрали. Командир полка подчинил его себе. Я командовал этим 3-м дивизионом.

В одну из ночей вызывает штаб полка. Сурово встречает. Всегда сурово встречал, а тут особенно подтянуто. Мы, трое: командир дивизиона, комиссар дивизиона и комиссар полка. Наш старик, как мы его называли, в крестьянской избе, при свечах, прочитал нам следующие слова:

«Приказ.

Прошу вас продержаться до 2 декабря. И. Сталин».

Старик больше ничего не мог сказать. Отвернулся, засопел. Потом вдруг свирепо повернулся, тьякнул:

– По местам!

И мы все ушли на свои рабочие места с одним сознанием, что теперь только через трупы – никуда. Не надо было нам ничего объяснять. Все было понятно. Совершенно необъяснимо, как это передается. Передавалось это всему составу нашей дивизии.

Обстановка была такая, когда в пехотном полку оставалось по 70 человек. А еще никогда не забуду эпизод, как я искал себе наблюдательный пункт на одной из дач. Вышел, смотрю: лежит казах с энергичным лицом, с воспаленными глазами, и по телефону кричит:

– Я все сделаю. Со мной вместе 71 человек.

Это был старший лейтенант Момыш-улы. ... Он был легко ранен в позвоночник, но командовал полком. Такая была обстановка.

Утро началось. Это утро началось с того, что 100 самолетов нас пикировали, они нас пахали. За все бои, которые длились непрерывно около 40 (60 – авт.) дней, мы ни разу не видели наших самолетов. Раза два промелькнула, как сумасшедшая, наша дальняя авиация. Танков наших мы не видели, за исключением 4-х танков в районе Голубцово. Но их сразу подбили, они загорелись.

Наблюдательный пункт был в трубе кирпичного завода. Сознание заставляло уцепиться и не отходить. Были моменты в Крюково, когда в здании наверху были наши, а внизу немцы. Что самое страшное, мы проклинали ясную погоду под Москвой, мы ненавидели ясную погоду. Но здесь и пурга, и метель, а они все равно летают, и бьют, и бьют. Это был его последний удар под Москвой. Вдруг 2 декабря, – это дата как раз в приказе указана, в приказе, который сформулирован был совершенно не по приказному, – пурга, метель, холод, мы слышим за спиной сильный рев, рев танков.

Мы так отвыкли от того, что у нас могут быть танки, что нам не по себе стало. Еще не хватало, чтоб нашу горсточку из тыла начали бить, тем более что мы знали,

что за спиной со стороны Солнечногорска произошел страшный прорыв. Не буду говорить, как мы голыми руками брали танки. У нас 8 танков, окрашенных в цвет пустыни. Смотрим – наши танки и столько танков! Пурга метет. Смотрим – идут наши самолеты и столько, что мы никогда не видели! Смотрим, нас обтекают дивизии: одетые, обутые. У нас минометов не было – у них минометы, пулеметы.

Что за чудо?

И здесь произошел приготовленный Ставкой удар, знаменитый разгром немцев под Москвой. Командовал нашей дивизией в это время бывший комендант г. Москвы генерал-лейтенант Ревякин, генерал военного штаба, очень аристократически воспитанный генерал скорее дипломатического корпуса или штаба фронта, чем боевой генерал. Но это внешний облик генерала. Командовал он неплохо. Командовал он хорошо. Очень умело держал в руках дивизию.

Мы впервые за много дней прошли по территории, которая была занята немцами. То мы видели только свои трупы. Впервые увидели немецкие трупы, разбитую технику.

Собственно, здесь и закончилась эпопея наших действий под Москвой.

Нас отвели на переформирование на станцию Нахабино. Мы вступили в бой 15-16 октября. Это случилось 16-17 декабря. **Два месяца, 60 ночей и дней, мы варились в этом котле.** Когда мы пришли на станцию Нахабино и подвели свои итоги, то мы поняли, что уже теперь мы солдаты, в самом хорошем, настоящем смысле этого слова. Мы, особенно командный состав, поняли, что мы, старая гвардия, стали тем цементом, который держал нашу дивизию. Это были золотые люди, старая гвардия. Чтобы назвать их всех, начиная от связиста Аямбекова и кончая начальником штаба Морочковым, начальником разведки моего дивизиона Ермолаевым, командирами орудий Павкиным, Серегиным.

Вот что смогла сделать наша дивизия или вернее наш полк под Москвой. И когда мы попали в Москву со станции Нахабино, мы были поражены, что в **Москве висели плакаты: «8-я гвардейская – защитница Москвы»**, по радио передавали какую-то песню. И когда случайно знакомый встречал тебя, он всех своих знакомых останавливал: «Вот из 8-й гвардейской», и толпа возникала.

Почему? Должно быть, честно говоря, хорошо ... Просто мы не могли поиному.

В армии гордятся этим. Когда нас бросили на Северный фронт, когда мы пришли в Валдай, когда там узнали, что 8-я гвардейская пришла, мы засыпаем, а они предрешают операцию: все верили, что раз 8-я гвардейская – значит, успех.

Станция Нахабино для нас явилась, возможно, заслуженным отдыхом. Мы там не отдыхали, но это был отдых, потому что вдруг исчезли бесконечные разрывы, рев и гам. Тишина стояла мертвая. Мы занимались как в школе. Пришло пополнение людьми и лошадьми. Казахстанцы нас не забыли. Приехали к нам гости, привезли много свежего апорта, окорока, вино.

Я получил телеграмму, что у меня Митька растет.

На фронт идут мимо нас вперед танковые части, «Катюши». Немцев гонят дальше. Как-то странно было, когда нас не пускали вперед. Мы стоим еще месяц здесь. Части проходят вперед. Мы их поддерживаем. Наши орудия уже не достают туда, куда они ушли. Они ушли на 15 километров. Потом наступила тишина. В окопах лежим. Здесь нас повернули назад. Оказались на отдыхе в Нахабино.

Здесь вдруг появилось у нас новое командование. Принял дивизию генерал Чистяков М. И. Он к нам пришел еще в шинели, на которой ясно обозначались следы полковничьих шпал. Он сейчас является генерал-полковником, находится в Северной Карелии. Это совершенно изумительный блестящий генерал, генерал военной звезды. Образование военное у него хорошее, общее образование очень маленькое. Но это генерал военной интуиции. Где он – там победа.

Это был безжалостный генерал. Если он намечал операцию, положит батальон полк, но пройдет. Иногда это нужно. И он нас повел в составе 2-го гвардейского корпуса, которым командовал Герой Советского Союза генерал-лейтенант Лизюков.

Так мы попали на свои старые места – Валдай, Крестцы, здесь нас бросили на прорыв, недалеко, южнее Старой Руссы, километров 18, на знаменитом большаке Холм – Старая Русса...

Лайла Сейсембековна Ахметова – профессор кафедры ЮНЕСКО по журналистике и коммуникации КазНУ им. аль-Фараби, доктор исторических наук. Известный политолог. член Союза журналистов РК. Председатель комитета по сохранению исторической памяти Ассамблеи народов Евразии. Заслуженный работник культуры и почетный работник науки РК. Награждена орденом «Құрмет». Специалист в области истории Казахстана XX века. Широкую известность приобрели ее научно-популярные труды о политических лидерах Казахстана. Ведущий военный историк и исследователь участия казахстанцев в Великой Отечественной войне: защитников Брестской крепости, бойцов и командиров Панфиловской дивизии и др. Участник поискового движения СНГ.

